

II. АГИТАЦИОННЫЕ ПЕСНИ

АГИТАЦИОННАЯ ПЕСНЯ «ЦАРЬ НАШ — НЕМЕЦ РУССКИЙ»

Статья Ю. Г. Оксмана

Первый стихотворный памфлет на Александра I — «Ура! В Россию скачет кочующий деспот» — появился в Петербурге около середины декабря 1818 г. Этот памфлет, одно из самых ранних выступлений Пушкина как политического лирика, связанного с первыми тайными организациями декабристов, создан был, как впоследствии «Вольность», «Деревня», стихи об императрице Елизавете («На лире скромной, благородной...»), под несомненным идеологическим воздействием, а может быть, и по прямому заданию руководящих членов Союза Благоденствия. Стихи приурочены были к возвращению Александра I в столицу с Аахенского конгресса (22 декабря 1818 г. он приехал в Царское село). Именно на этом конгрессе русский царь выявил себя до конца как знаменосец феодальной реакции, как послушный ученик Меттерниха, как верный союзник Бурбонов, Габсбургов и Гогенцоллернов. Пушкинская песня о «кочующем деспоте», предателе национальных интересов России, лживом и лицемерном пустослове, подрывала самые корни официозной легенды об Александре «благословенном», о царе-реформаторе, надеждами на которого уже второе десятилетие питался русский дворянский либерализм¹.

Пушкинский «Ноэль» прочно вошел в золотой фонд агитационно-пропагандистской литературы Союза Благоденствия. Сатирическими строфами великого поэта вдохновлен был и второй политический памфлет на Александра I, вышедший из рядов декабристов. Мы имеем в виду агитационную песню «Царь наш — немец русский», создателями которой были Рылеев и Бестужев.

1

В конце 1823 г., то есть вскоре после своего вступления в Северное тайное общество, Рылеев, как свидетельствуют следственные «дела» декабристов, поставил вопрос о создании и распространении в агитационно-пропагандистских целях революционных «песен и пародий», близких образцам народного творчества или имитирующих наиболее доходчивые из общеизвестных стихотворных текстов. Эти песни, популяризируя установки Тайного общества в его борьбе с абсолютизмом и крепостничеством, представлялись Рылееву одним из самых могучих средств «для желаемого действия на умы народа»², то есть к поднятию политического и культурного уровня сознания масс.

Сатирическая песня «Царь наш — немец русский» принадлежала к числу первых образцов этой нелегальной песенной продукции. Ближайшее участие в работе Рылеева над агитационными песнями

принимал его друг и соратник А. А. Бестужев. Трудно сказать, как велик был его вклад в песню «Царь наш — немец русский», ибо именно этот памфлет случайно не попал в руки следственных органов в 1825 г., специального дознания о нем не было, а создатели и распространители его никак не были заинтересованы в том, чтобы осложнить показаниями о нем свое и без того тяжелое положение. Правда, имея в виду уменьшить ответственность и свою и Рылеева за создание массовых революционных песен, Бестужев пытался убедить Николая I в том, что ни одна из этих песен не получила большого распространения. «Сначала мы было имели намерение распустить их в народе, но после одумались, — писал Бестужев. — Мы более всего боялись народной революции, ибо она не может быть не кровопролитна и не долговременна; а подобные песни могли бы оную приблизить. Вследствие сего, дурачась, мы их пели только между собою. Впрочем, переходя по рукам, многое к ним прибавлено, и каждый на свой лад перевертывал. В народ и между солдатами никогда их не пускали»³.

Несмотря на искусную оболочку полной искренности и откровенности до конца, показание это было неверно и тенденциозно в самых ответственных своих частях. Об этом особенно красноречиво свидетельствует в своих воспоминаниях Н. А. Бестужев, старший брат писателя. «Хотя правительство, — писал он уже в Сибири, — всеми мерами старалось истребить сии песни, где только могли находить их, но они были сделаны в простонародном духе, были слишком близки к его состоянию, чтобы можно было вытеснить их из памяти простолюдинов, которые видели в них верное изображение своего настоящего положения и возможность улучшения в будущем <...> Рабство народа, тяжесть притеснения, несчастная солдатская жизнь изображались в них простыми словами, но верными красками <...> В самый тот день, когда исполнена была над нами сентенция и нас, морских офицеров, возили для того в Кронштадт, бывший с нами унтер-офицер морской артиллерии сказывал нам наизусть все запрещенные стихи и песни Рылеева, прибавя, что у них нет канонира, который, умея грамоте, не имел бы переписанных этого рода сочинений и особенно песен Рылеева»⁴.

Таким образом, в отличие от других произведений поэтов-декабристов, агитационные песни завоевали не только широкие круги дворянской и буржуазной интеллигенции, но успели очень быстро проникнуть в солдатскую и матросскую массу.

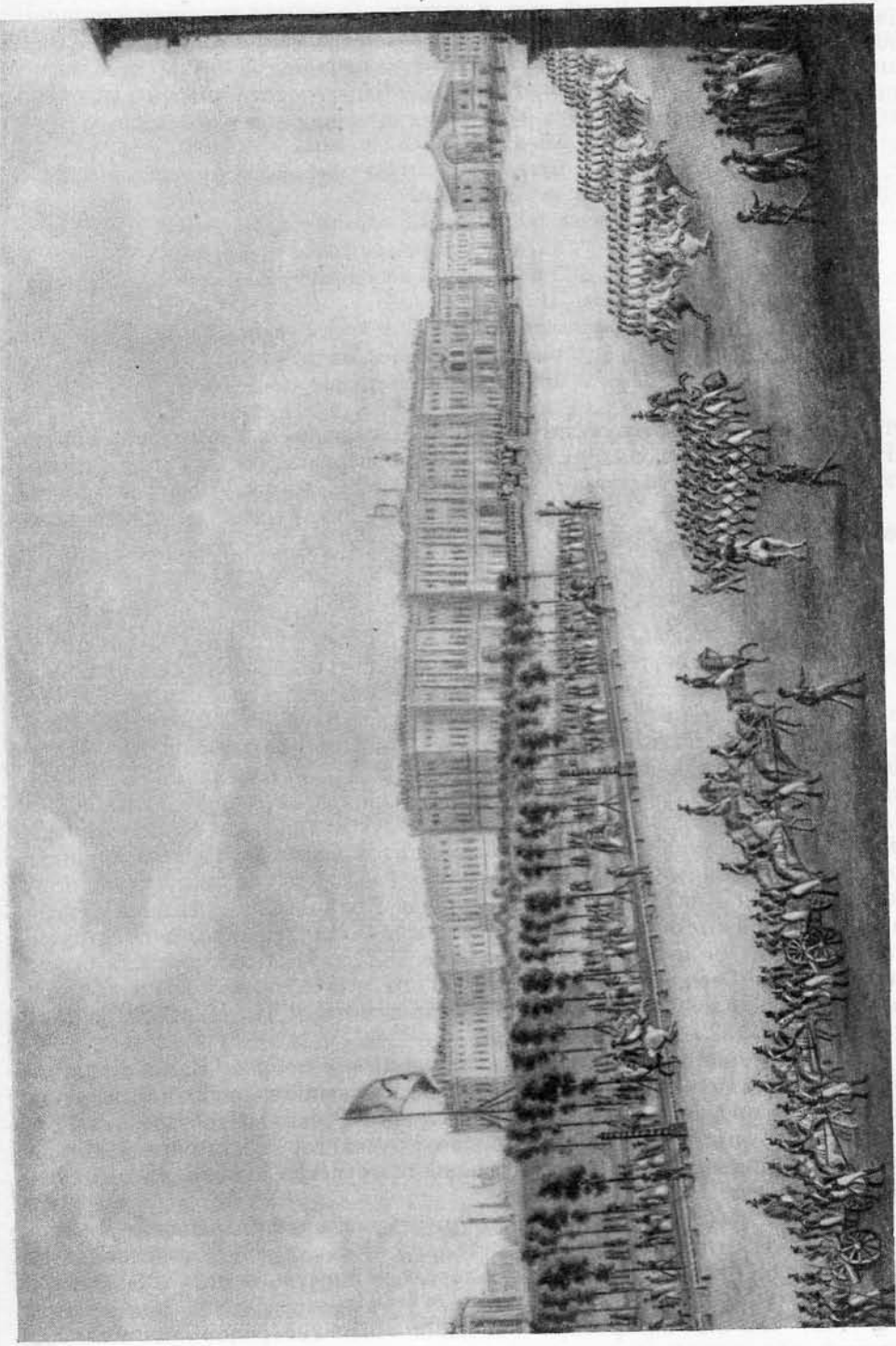
II

Самыми авторитетными из дошедших до нас свидетельств современников о песне «Царь наш — немец русский» являются упоминания о ней в записках Д. И. Завалишина⁵, в воспоминаниях Н. И. Греча⁶, в автобиографии и в рассказах А. О. Смирновой⁷, в брошюре эмигранта И. Г. Головина⁸. Имя Рылеева, как создателя этой песни, из современников поэта отмечал только Н. И. Греч. Другие мемуаристы, цитируя песню, не упоминали имени ее автора.

Наиболее полная (хотя и неточная) из доселе известных редакций песни «Царь наш — немец русский» опубликована была Герценом и Огаревым в «Полярной звезде» на 1859 г., в числе трех «Стихотворений Рылеева и Бестужева»:

ПЕСНЯ

Царь наш немец прусский
Носит мундир узкий.
Ай, да царь, ай, да царь,
Православный государь!

ПАРАД НА ПЛОЩАДИ ПЕРЕД ЗИМНИМ ДВОРЦОМ
Акварель капитана Неелова, 1809 г.
Эрмитаж, Ленинград

Царствует он где же?
 Целый день в манеже.
 Ай, да царь, ай, да царь,
 Православный государь!
 Прижимает локти,
 Забирает в когти.
 Ай, да царь, ай, да царь,
 Православный государь!
 Судьи все жандармы,
 Школы все казармы.
 Ай, да царь, ай, да царь,
 Православный государь!
 Князь Волконский баба,
 Начальником Штаба.
 Ай, да царь, ай, да царь,
 Православный государь!

Этот текст песни перепечатан был Н. П. Огаревым в 1861 г. в сборнике «Русская потаенная литература», откуда перешел во все зарубежные издания русских нелегальных стихотворений. Этот же текст печатается и во всех советских изданиях Рылеева и цитируется в специальных работах о нем⁹.

III

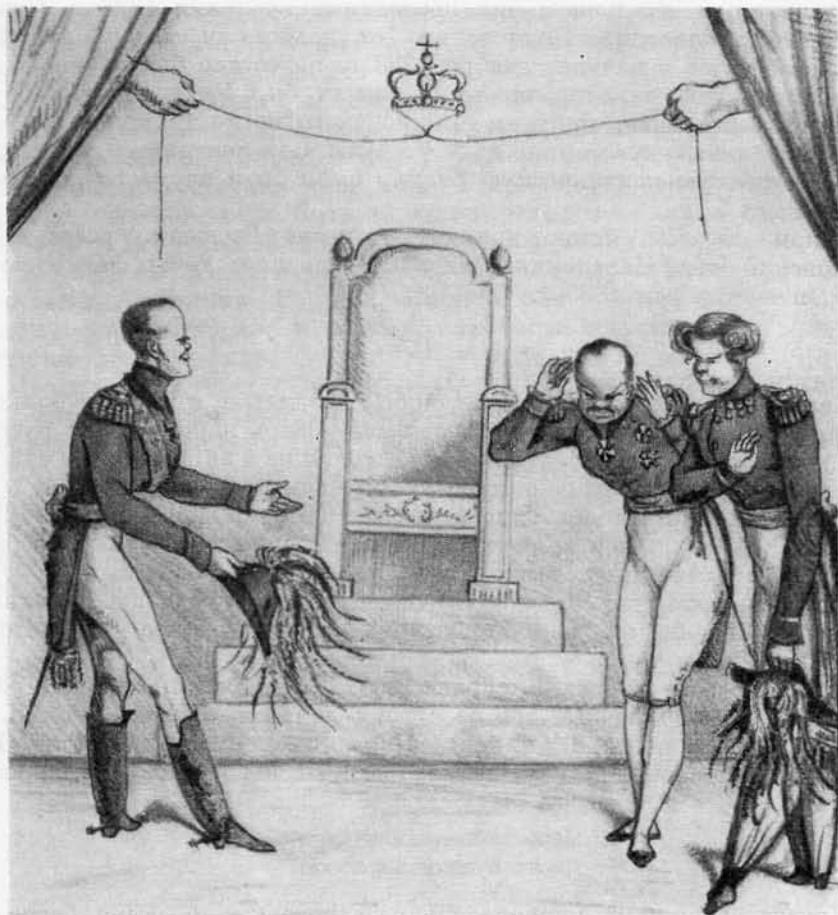
Время создания песни «Царь наш — немец русский», несмотря на молчание об этом первоисточников, весьма точно определяется наличием в ней строфы о князе Волконском как начальнике Главного штаба. Эта тематическая деталь, на первый взгляд не очень значительная, была тесно связана с политической хроникой определенных месяцев 1823 г. 25 апреля этого года царем был подписан приказ об увольнении П. М. Волконского в отпуск. Исполнение его обязанностей поручалось барону И. И. Дибичу, «умеренному и аккуратному» аракеевцу, бывшему офицеру прусской службы, одному из тех винтов бюрократической машины, которые обеспечивали ее бесперебойную работу в самую глухую пору александровской реакции. Отпуск князя Волконского являлся благовидной формой отставки. Впрочем, что это была отставка, а не отпуск, стало известно не сразу, а лишь к зиме 1823 г.¹⁰ Политический смысл происшедшей смены начальника Главного штаба очень резко сформулирован в письме генерала А. А. Закревского к П. М. Волконскому от 4 декабря 1823 г.:

«Отказ Ваш от возвращения истребит все доброе, Вами с такими трудами заведенное, и предаст все на съедение немцев, не любящих ничего, служащего к пользе нашей матушки России. Чтоб любить Россию, надобно иметь чувства настоящего русского, а для сего родиться русским. Пришлецы же сего возвышенного чувства любви к отечеству иметь не могут»¹¹.

Точно так же, как и Закревский, реагировал на назначение Дибича генерал А. П. Ермолов. «Теперь только, — писал он 8 июня 1823 г. Закревскому, — прочным образом основалось царство немцев и, конечно, попользуются они случаем»¹².

О том, что эти настроения оппозиционных генералов имели очень широкий общественный резонанс, достаточно красноречиво свидетельствовали протесты против немецкого засилия в государственном аппарате, шедшие из кругов декабристов. Так, Грибоедов устами Чацкого саркастически выражал в 1824 г. пожелание, «чтоб умный, бодрый наш народ,

хотя б по языку нас не считал за немцев»; так Рылеев в стихах «На смерть Чернова» клеймил придворную аристократию как «питомцев пришлецов презренных», которые «говорят не русским словом, / Святую ненавидят Русь»; так М. С. Лунин даже из Сибири продолжал слать пламенные протесты против того, что «главные места в государстве вверены иностранцам, не имеющим никакого права на доверие народное»¹³.

«РУССКАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ»

Иностранная карикатура на междоусобицу 1825 года

Исторический музей, Москва

Генералы из окружения А. П. Ермолова обрушивались на Дибичей, Бенкендорфов, Нессельроде и Клейнмихелей, но никогда не решались прямо назвать главного носителя зла: личность коронованного космополита в их письмах и высказываниях оставалась неприкосновенной. Поэтому такое значение и остроту получала в песне Рылеева характеристика Александра I как «русского немца», облеченного в «пруссский мундир».

Этот «мундир», с одной стороны, символизировал политическую ориентацию царя (как и пушкинские строки в «Нюэле» — «И прусский и австрийский я сшил себе мундир»), а с другой, обнажал ненавистные ученикам Румянцева, Суворова и Кутузова традиции Александра I как

реорганизатора русской армии, перевоспитываемой по образцам плац-парадных прусских военных уставов¹⁴.

Первая политическая песня Рылеева построена была как «песня солдатская». Она рассчитана была на распространение в армейской среде, профессиональные интересы и вкусы которой поэтому прежде всего в ней и учитывались¹⁵.

Время обращения Рылеева к работе над агитационными песнями определяется в его показаниях последними месяцами 1823 г. Судя по тому, что увольнение Волконского от должности начальника Главного штаба уже в начале декабря 1823 г. перестало быть тайною в тех военных кругах, с которыми тесно связан был Рылеев в Петербурге, никак нельзя думать, чтобы имя Волконского могло фигурировать в стихах, написанных *после* этой даты¹⁶. Клеймить отставного временщика как действенную политическую фигуру было бы и неуместно и неостроумно.

Таким образом, самое наличие в песне Рылеева строфы «Князь Волконский баба / Начальником Штаба» позволяет точно датировать ее ноябрем — декабрем 1823 г.

IV

Как и почти все нелегальные тексты двадцатых годов, опубликованные в зарубежных изданиях, текст песни «Царь наш — немец русский» был явно неточен и неполон, так как восходил не к авторитетным спискам, бытовавшим в кругу декабристов, а к случайным «копиям с копий» тридцатых и сороковых годов. Одни из этих искажений первоисточника легко устанавливаются путем сличения текста «Полярной звезды» с цитатами из песни в отмеченных выше записках и воспоминаниях ее первых слушателей, читателей и исполнителей. Другие продолжают оставаться невыправленными до обнаружения новых, более авторитетных списков.

Прежде всего подлежит исправлению в общеизвестном тексте песни ее зачин. Именно первые две ее строки должны читаться не так, как их печатали Герцен и Огарев («Царь наш немец прусский / Носит мундир узкий»), а так, как свидетельствуют первые из ее распространителей:

Царь наш — немец русский
Носит мундир прусский.

Предлагаемое нами исправление печатного текста песни базируется не только на авторитетных свидетельствах Завалишина, Смирновой и Головина, устанавливающих чтение «Царь наш — немец русский», но и на фактической несостоятельности варианта «Царь наш — немец прусский»: Александр I, сын императора Павла и принцессы Вюртембергской, внук герцога Гольштейн-Готторпского и принцессы Цербстской, был именно «русским немцем», — и характеристика его как «немца прусского» была бы ничем не мотивирована. Правда, этот сомнительный вариант подкреплялся записками Н. И. Греча, литератора, близко знавшего Рылеева и живо помнившего исполнение его нелегальных стихов. Однако самый факт дословного совпадения первой строфы песни «Царь наш — немец прусский» в записках Греча с ее публикацией в «Полярной звезде» на 1859 г. настолько исключителен, что его гораздо естественнее объяснить знакомством мемуариста с изданием Герцена, чем случайным восхождением обоих текстов к общему первоисточнику. И в самом деле: Н. И. Греч работал над своими записками много лет (особенно интенсивно с 1848 г.), но главы, нас непосредственно сейчас интересующие,

страницы о декабристах и о литературно-политической борьбе 20-х годов, писались в совсем иные времена. Сам мемуарист не скрывал своей полемики в них с брошюрой Герцена «14 декабря 1825 г. и император Николай I» (Лондон, 1858). Многочисленные упоминания в этой части записок о 1859 г., как годе текущем¹⁷, не позволяют датировать свидетельства Греча об Александре I и декабристах временем более ранним. Вполне понятно поэтому, что о песне «Царь наш — немец русский» напомнила Гречу книжка «Полярной звезды» на 1859 г. Из этого издания он и взял как цитату четыре стиха, более выразительную редакцию которых он уже успел забыть¹⁸.

Возражения вызывает не только печатный зачин песни, но и общеизвестная ее концовка. Строфа о князе Волконском никак не могла замыкать той широкой памфлетной характеристики Александра I, которая лежала в основе агитационной песни Рылеева. Эта строфа и тематически и композиционно могла быть только переходом — или к именному перечню других деятелей александровской реакции (выделение Волконского из всей фаланги руководителей государственного аппарата — Аракчеева, Голицына, Гурьева, Нессельроде и др. — лишено было бы всякого основания) или к новому, еще более острому циклу последних куплетов о самом царе.

Правильность этих общих соображений подтверждается интереснейшим списком песни Рылеева, который обнаружен был нами в 1936 г. в неизданных записках Н. А. Маркевича. Имя автора этих записок — известного поэта, историка и этнографа 20—40-х годов, ученика Кюхельбекера, корреспондента Рылеева, старого знакомого Пушкина, Баратынского, Дельвига, требует самого внимательного отношения к его показаниям при разрешении вопроса о критическом тексте песни «Царь наш — немец русский».

«Правда скрылась от престола, — писал Н. А. Маркевич о последнем пятилетии царствования Александра I, — Благословенный ее разлюбил. Пушкин цел на голос „Лязер ду, синцер крау“ из „Жидовской корчмы“:

Наш царь — немец русский,
Надел штаны узки.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь.
Наш Волконский-баба
Начальником штаба.
Ай да царь и проч.
Только за парады
Раздает награды.
Ай да царь и проч.
А за комплименты
Голубые ленты.
Ай да царь и проч.
А за правду матку
Прямо шлет в Камчатку.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь».

Не ограничиваясь передачей сохранившихся в его памяти куплетов песни, Н. А. Маркевич указывает мотив, на который они исполнялись (дуэт из «оперы-водевиля» Н. П. Семенова «Удача от неудачи, или приключение в жидовской корчме») и даже документирует эту свою справку ссылкой на Пушкина. Поскольку мы располагаем сейчас двумя разновременными записями рассказа А. О. Смирновой о том, что песенка

«Царь наш — немец русский» действительно принадлежала к числу тех, которые «всякий раз, бывало, напевал Пушкин», мы с большим вниманием должны учесть свидетельство об этом же и в записках Н. А. Маркевича¹⁹. Но особенную ценность в этом мемуарном документе представляют три последних куплета песни Рылеева и Бестужева, отсутствующие как в общеизвестной печатной ее редакции, так и во всех тех упоминаниях о песне, которые отмечены были нами выше.

V

Самый ранний из известных нам списков песни «Царь наш — немец русский» вошел в научный оборот только в 1950 г. Это — копия, обнаруженная в собрании бумаг П. А. Вяземского в Остафьевском архиве²⁰:

ПЕСНЯ

(на голос: мезерду)²¹

Царь наш, немец русский,
Носит мундир узкой.

Ай да царь! ай да царь!
Православный государь!

Царствует он где же?

Всякой день в манеже!

Ай да царь! ай да царь!
Православный государь!

Прижимает локти,

Прибирает в когти.

Ай да царь! ай да царь!
Православный государь!

Царством управляет.

Носки выправляет.

Ай да царь! ай да царь!
Православный государь!

Враг хоть просвещения,

Любит он ученья.

Ай да царь! ай да царь!
Православный государь!

Школы все казармы,

Судьи все жандармы.

Ай да царь! ай да царь!
Православный государь!

А граф Аракчеев

Злодей из злодеев!

Ай да царь! ай да царь!

Православный государь!

А Волхонской-баба:

Начальником Штаба.

Ай да царь! ай да царь!

Православный государь!

А другая баба

Губернатор в Або.

Ай да царь! ай да царь!

Православный государь!

А Потапов дурный²²,

Генерал дежурный.

Ай да царь! ай да царь!

Православный государь!

А за комплименты,

Голубые ленты.

Ай да царь! ай да царь!

Православный государь!

Трусит он законов,

Трусит он масонов.

Ай да царь! ай да царь!

Православный государь!

Копия эта, никак не аннотированная самим Вяземским и сделанная неуставленной рукою, неполна и неточна, лишена двух строф, известных по списку Н. А. Маркевича («Только за парады / Раздает награды, А за правду матку / Прямо шлет в Камчатку»), и концовкой своей имеет строки, тематически и композиционно никак не могущие замыкать песню. Но, сделанная даже наспех, может быть по памяти, с чьих-нибудь слов, а не с автографа, копия эта представляет большой интерес, ибо она, во-первых, дает двенадцать куплетов вместо пяти и, во-вторых, с большим основанием может быть отнесена к 1823—1824 гг.

Вяземский был не только одним из известнейших передовых писателей этой поры, но и автором многочисленных политических сатир, рассуждений в стихах и эпиграмм (из них наиболее популярны «Ноэль», «Сравнение Москвы с Петербургом», «Петербург», «Негодование»),

ПѢСНЯ

(на собоѣ: мезеру)

Царь нашъ намѣцъ Русь,
Носитъ мурды узкой.

Ай да царь! ай да царь!
Православный Гайдарь!

Царствуешь лиъ даме?
Всякой деи въ манерѣ.

Ай да царь! ай да царь!
Православный Гайдарь!

Прирученъ локотъ,
Прибрасъ въ кони.

Ай да царь! ай да царь!
Православный Гайдарь!

Царство въ управленѣ,
Носи выправленѣ,

Ай да царь! ай да царь!
Православный Гайдарь!

Врази конь правосуцъ,
Личиъ аиъ чина.

Ай да царь! ай да царь!
Православный Гайдарь!

Шени въ каварни,
Суди въ гандарни.

СПИСОК АГИТАЦИОННОЙ ПЕСНИ РЫЛЕВА И А. А. БЕСТУЖЕВА «ЦАРЬ НАШ—НЕМЕЦ РУССКИЙ ...»
Самый ранний из известных списков песни; сохранился в бумагах П. А. Вяземского, 1823—1824 гг.

Листы 1—4 об.

Центральный литературный архив, Москва

Ай да Царь! ай да Царь!
Православный Государь!

А Трофея Орангеве
Здравый изъ здравствъ!

Ай да Царь! ай да Царь!
Православный Государь!

А Волхонский Сабла,
Катайникъ Штатъ.

Ай да Царь! ай да Царь!
Православный Государь!

А Другая Сабла,
Бурманъ отъ Мл.

Ай да Царь! ай да Царь!
Православный Государь!

А Потаповъ Туринъ,
Теперь въ дежурный.

Ай да Царь! ай да Царь!
Православный Государь!

А за камышники,
Водуша лентъ.

Ай да Царь! ай да Царь!
Православный Государь!

Струнтъ отъ Зановъ,
Струнтъ отъ Масновъ.

Ай да Царь! ай да Царь!
Православный Государь!

СПИСОК АГИТАЦИОННОЙ ПЕСНИ РЫЛЕЕВА И А. А. БЕСТУЖЕВА «ЦАРЬ НАШ — НЕМЕЦ РУССКИЙ ...»
Самый ранний из известных списков песни; сохранился в бумагах П. А. Вяземского, 1823—1824 гг.

Листы 2—2 об.

Центральный литературный архив, Москва

имевших широкое нелегальное распространение в кругах оппозиционной общественности десятых и двадцатых годов. Тесно связанный в пору своей молодости с писателями-декабристами, Вяземский (ставший впоследствии ярким реакционером) в двадцатые годы был жадным читателем и собирателем произведений подпольной литературы. Его коллекции нелегальных стихотворных текстов пополнялись обычно по горячим следам и из самых авторитетных источников. Как известно, в собрании Вяземского оказался наиболее полный подбор агитационных песен декабристов²³. Особый интерес Вяземского к литературе этого типа позволяет не сомневаться и в том, что копии массовых агитационных песен декабристов получены были им сразу же после вхождения их в политический и литературный оборот. Большое число явных и грубых ошибок, описок и пробелов в тексте песен, оказавшихся в распоряжении Вяземского, не дает никаких оснований предполагать, что эти копии получены были им от одного из их авторов. И тем не менее, несмотря на все свои недочеты, список песни «Царь наш — немец русский», принадлежавший Вяземскому, должен быть самым внимательным образом учтен при критической реставрации утраченного подлинника Рыльева и Бестужева.

В отмену неточной и неполной редакции песни «Царь наш — немец русский», опубликованной в «Полярной звезде» на 1859 г., мы предлагаем следующий сводный текст этого стихотворного памфлета:

Царь наш — немец русский
Носит мундир прусский²⁴.

Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Царствует он где же?
Всякий день в манеже²⁵.

Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Прижимает локти²⁶,
Прибирает в когти.

Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Царством управляет,
Носки выправляет.

Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Враг хоть просвещения,
Любит он ученья.

Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Школы все — казармы,
Судьи все — жандармы.

Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А граф Аракчеев
Злодей из злодеев!

Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Князь Волконский-баба
Начальником Штаба.

Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А другая баба
Губернатор в Або.

Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А Потапов дурный
Генерал дежурный.

Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Трусит он законов,
Трусит он масонов.

Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Только за парады
Раздает награды.

Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А за комплименты —
Голубые ленты.

Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А за правду-матку
Прямо шлет в Камчатку.

Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эта датировка «Нозля», установленная нами в 1936 г., закреплена была только в 1949 г. в Полн. собр. соч. Пушкина, изд. АН СССР (т. II, стр. 1041. Ср. Полн. собр. соч. Пушкина в шести томах, т. I. М., 1949, стр. 508). Прежняя комментаторская традиция ошибочно связывала «Нозль» с речью Александра I при открытии первого сейма Царства Польского 15/27 марта 1818 г.

² ВД, т. I, стр. 169 (Вопросные пункты, предъявленные Рылееву 24 апреля 1826 г.) — Ср. об этом же показании С. Г. Волконского и С. И. Муравьева-Апостола (ВД, т. IV, стр. 289), а также письмо А. В. Поджио на имя генерала В. В. Левашова от 12 марта 1826 г. в книге: П. Е. Щеголев. Пушкин. Очерки. СПб., 1912, стр. 235.

³ ВД, т. I, стр. 458.

⁴ Бестужевы, стр. 27—28.

⁵ Завалишин, стр. 50. В тексте записок отмечены были только два первых стиха: «Царь наш — немец русский / Носит мундир прусский».

⁶ Н. И. Греч. Записки к моей жизни. М.—Л., 1930, стр. 354. — Первые четыре стиха песни Греч цитировал, характеризуя Александра I: «Он не жаловал России и русских <...> Когда только мог, вырывался из любезного отечества и колесил по Европе. Недаром воспел о нем Рылеев:

Царь наш немец прусский
Носит мундир узкий, —
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь».

Из первого издания записок Греча, вышедшего в свет в 1886 г., это место исключено было цензурой. Категорическое заявление Греча как современника и знакомого Рылеева, как участника исполнения нелегальных песен его на литературных вечерах начала 20-х годов, наконец, просто как одного из осведоменнейших мемуаристов декабристской поры, является очень важным аргументом при решении вопроса об авторстве стихов «Царь наш — немец русский» в пользу Рылеева. Никаких сомнений в принадлежности этой песни Рылееву и Бестужеву не было и у первых ее издателей — Герцена и Огарева. Их публикации хорошо были известны многим из декабристов, ни один из которых не возражал против указания «Полярной звезды» на принадлежность этих стихов перу Рылеева и Бестужева. Мы отмечаем все эти факты потому, что А. Г. Цейтлин в редактированном им Полн. собр. соч. Рылеева (М., 1934, стр. 747—748) выразил сомнение в принадлежности Рылееву песни «Царь наш — немец русский». Эти сомнения, основанные на некритическом толковании официального признания Рылеева (на одном из допросов) в том, что он якобы является автором только двух нелегальных произведений («Ах, тошно мне» и «Гражданин»), противостоят всем прочим документальным и мемуарным данным о создании и распространении нелегальных песен Рылеева и Бестужева.

⁷ А. О. Смирнова-Россет. Автобиография. Подготовила к печати Л. В. Крестова. М., 1931, стр. 208. — Смирнова приводит слова Пушкина: «Я сидел на перекладных <в 1831 г.> и пел <...> песню, божусь тебе, не моего сочинения:

Царь наш — немец прусский...
Царствует он где же?
Всякий день в манеже.
Школы все казармы.
Судьи все жандармы.
А Закревский, баба.
Управляет в Або,
А другая баба
Начальником штаба».

Эта песня цитировалась Смирновой на память, через много лет после того, как она ее услышала от Пушкина, а потому вполне естественно, что первая строфа передавалась без второй строки, что в строфе четвертой изменен был порядок строк, а строфа третья вовсе не упоминалась. Однако самый зачин песни в записи Смирновой оказался, не в пример другим его копиям, очень точным. Смирнова знала, конечно, и вторую его строку, обозначенную почему-то в ее цитате многоточием. Именно эту строку, со слов Смирновой, внес в свой дневник от 27 ноября 1855 г. Я. П. Полонский. Не рискуя полным голосом говорить о революционных песнях декабристов, Полонский в такой осторожной редакции передал строфу, которую «всякий раз, бывало» напевал Пушкин в Царском селе в 1831 г.:

Уж на Руси
Мундир он носит узкий.

Таким образом, неисправная первая строка записи Я. П. Полонского («Голос минувшего», 1917, № 11-12, стр. 156) являлась, как мы полагаем, не передачей текста Смирновой, а маскпровкой его ультранелегального содержания.

В подлинной записи Смирновой сохранился вариант второй строфы: «Всякий день в манеже» вместо менее распространенного «Целый день в манеже». Об особенностях двух последних строф в передаче А. О. Смирновой см. прим. 16.

⁸ «Записки Ивана Головина». Лейпциг, 1859, стр. 22. — В этой брошюре, вышедшей в свет одновременно с «Полярной звездой» на 1859 г., была очень небрежно и неточно опубликована первая строфа песни «Царь наш — немец русский», данная к тому же в произвольном соединении с несколькими строками песни «Вдоль Фонтанки реки». Объединив общим рефреном ничем не связанные между собою произведения, исказив композицию и самый текст песни, И. Г. Головин следующим образом информировал о ней читателей своих записок: «Кто не знал солдатской песенки:

Наш царь русской
Немец русской
Носит мундир узкой.
Ай да царь, ай да царь,
Право, славный государь.
Близ Фонтанки реки
Квартируют-то полки,
И чем свет, чем заря,
Для потехи царя,
Их мучат, их мучат.
Ай да царь, ай да царь,
Право, славный государь.

Песня «Вдоль Фонтанки реки» произвольно объединялась в порядке живого исполнения не только с песней «Царь наш — немец русский», но и со столь же известными строками другой агитационной песни Рыльева и Бестужева — «Ты скажи-говори». Об этом свидетельствует позднейшая редакция этой песни, обнаруженная М. Л. Гофманом («Недра», кн. VI, 1925, стр. 208) в тетради нелегальных стихотворений, принадлежавшей Е. П. Ростопчиной:

Говори, говори	Как жена пред полком
И всю правду скажи,	Разъезжала верхом
Бабка!	Лихо!
Кто сердит, пусть кричит!	Как курносый злодей
А на воре горит	Сел на троне за ней
Шапка!	Вскоре.
Говори, говори,	И немецкий мундир
Как в России царя	Он надел на весь мир.
Правят.	Горе!
Говори поскорей,	Как ни свет, ни заря,
Как в России царей	Для потехи царя,
Давят.	Рьяно,
Как капралы Петра	У Фонтанки реки
Проводили с двора	Собирались полки
Тихо.	Ряпо.

Песня «Вдоль Фонтанки реки», полный текст которой до сих пор неизвестен, была в распоряжении Следственной комиссии по делу декабристов (см. о ней в показаниях И. И. Пущина — ВД, т. II, стр. 226) и явилась предметом специального дознания в процессе братьев Критских 1827 г. (см. ниже статью Л. А. Мандрыкиной, стр. 101—122). Вдоль Фонтанки находились, как известно, казармы Семеновского полка — одного из важнейших очагов солдатского брожения в войсках гвардии. Возмущением Семеновского полка осенью 1820 г. были вызваны знаменитые солдатские прокламации (впервые опубликованы В. И. Семевским в «Былом», 1907, № 2, стр. 83—86 и 92—93). С последними мы связываем и песню «Вдоль Фонтанки реки» — одну из первых революционных песен Рыльева и Бестужева.

⁹ Текст песни «Царь наш — немец русский» в неточной и сокращенной лондонской редакции «Полярной звезды» на 1859 г. включен был в 1934 г. в первое советское критическое «Полное собрание стихотворений К. Рыльева», редактированное и комментированное нами в серии «Библиотека поэта», откуда он и перешел в «Стихотворения К. Рыльева» под ред. Н. И. Мордовченко. Л., 1947, стр. 265; в «Собрание стихотворений А. Бестужева-Марлинского». Л., 1948, стр. 137; в сборник: «Поэзия декабристов». Вступ. статья и прим. Б. Мейлаха. Л., 1949, стр. 115; в сб. «Поэзия декабристов» («Библиотека поэта»). Л., 1950, стр. 242; в книгу: К. В. Пигарев. Жизнь Рыльева. М., 1947, стр. 123—124; в хрестоматию: Вл. Орлов. Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. М.—Л., 1951, стр. 49.

¹⁰ Дата увольнения П. М. Волконского в долгосрочный отпуск ошибочно принята была нами в комментариях к Полному собранию стихотворений Рыльева в 1934 г. за основание для отнесения песни «Царь наш — немец русский» к весне 1823 г. А. А. Бестужев отмечал в своих показаниях: «Рылеев <...> однажды в 1822-м году, в конце, в забавном расположении духа, пригласил он меня написать что-нибудь народным языком либеральное, и песню „Ах, скучно мне“ написали мы вместе, а некоторые *подблюдные* я один» (ВД, I, стр. 457—458). Однако нет никаких сомнений, что Бестужев явно допустил в этих строках ошибку, проставив 1822 г. вместо 1823 г.

¹¹ «Сборник Русского исторического общества», т. 71. СПб., 1890, стр. 173, 85 и 430. — Эта позиция А. А. Закревского объясняет отношение к нему А. Х. Бенкендорфа, который, как глава III Отделения, вел секретное наблюдение за Закревским даже в ту пору, когда последний был министром внутренних дел (с 1828 по 1831 г.). Так, 2 апреля 1830 г. Бенкендорф писал своему московскому резиденту А. А. Волкову: «Я думаю, что Закревский, который просится в отпуск на несколько месяцев, будет в Москве; я боюсь, чтобы его привычка кричать против всего не произвела бы дурного впечатления; этого человека совершенно губит тщеславие, что очень жаль. Напишите мне весьма секретно, как он будет держать себя, кого он будет посещать и увидит ли он своего друга Ермолова» («Русская старина», 1889, № 2, стр. 386).

¹² «Сборник Русского исторического общества», т. 71, стр. 418. — Ср. формулярные данные о службе И. И. Дибича в «Русском биографическом словаре», том «Дабелов — Дядьковский». СПб., 1905, стр. 356.

¹³ «Декабрист М. С. Лунин. Сочинения и письма». Ред. и прим. С. Я. Штрайха. Пг., 1923, стр. 82 («Розыск исторический»). — Характерны строки об императоре Николае I в нелегальных стихах студента Московского университета Н. Ф. Лушников «Друзья, нерусский нами правит», «Да свергнет бог с него корону / Пришлец он низкий — он немчин». Эти стихи распространялись весной 1827 г. членами кружка братьев Критских («Декабристы и их время», 1951, стр. 244). В политической фразеологии первой половины XIX в. понятие «русский немец» имело особый пренебрежительный смысл, о чем свидетельствует, например, памфлетное анонимное письмо Добролюбова к Гречу, в котором умственное убожество «русских немцев» противопоставлялось высоким интеллектуальным данным «настоящего русского и настоящего немца» («Лит. наследство», т. 57, 1951, стр. 10).

¹⁴ Песня «Царь наш — немец русский» писалась под непосредственным воздействием «Нозля» Пушкина. Гораздо менее значимы были в процессе ее создания традиции старинной песенки, которую Н. И. Греч (см. «Записки о моей жизни». М.—Л., 1930, стр. 126) характеризовал как вирши к портрету И. И. Бецкого:

Иван Иванович Бецкий,
Человек немецкий,
Носил мундир шведский,
Воспитатель детский.

Стишки о Бедком известны были Рылееву и Бестужеву так же хорошо, как и эпиграмма на Александра I, имеющаяся в дневнике В. Н. Каразина:

Православный государь!
Наших бед виновник.
Полно братцы!.. Он не царь —
Много, что полковник.

Записав эту эпиграмму 9 мая 1820 г., со слов А. Ф. Лабзина, Каразин отметил, что она приписывается Пушкину (Б а з а н о в, стр. 185).

¹⁵ Как известная «Солдатская песенка» памфлет «Царь наш — немец русский» охарактеризован был в записках И. Г. Головина. См. прим. 8. Самый рефрен песни — «Ай да царь, ай да царь, право славный государь» — был использован в нелегальных стихах Полежаева «Опять нешто»:

Ай, ахти! Ох, ура,
Православный наш царь,
Николай государь,
В тебе мало добра!

Эта имитация солдатской песни относилась к 1835 г. (Полное собрание стихотворений Полежаева. Л., 1939, стр. 279).

¹⁶ Отставка П. М. Волконского и перевод его соратника дежурного генерала Главного штаба А. А. Закревского на пост финляндского генерал-губернатора (с местопребыванием в Або) вызвала переделку песни, следы которой сохранились в цитации А. О. Смирновой:

А Закревский, баба,
Управляет в Або.
А другая баба
Начальником штаба.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД ТРАГЕДИИ
ВОЛЬТЕРА «МЕРОПА», изд. 1775 г.
ЭКЗЕМПЛЯР С ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ
НАДПИСЬЮ РЫЛЕЕВА

Собрание И. С. Зильберштейна,
Москва

У нас нет твердых оснований связывать эту позднейшую переделку песни с именами Рылеева и Бестужева. Последний недаром отмечал в своих показаниях об агитационных песнях, что «переходя по рукам многое к ним прибавлено, и каждый на свой лад перевертывал» (ВД, т. I, стр. 458).

Песня «Царь наш — немец русский» продолжала служить целям революционной агитации и пропаганды более полувека. Она вошла и в тот сборник революционных песен, который был нелегально напечатан С. Г. Нечаевым около 1870 г. Интересно, однако, что именно строфа о Волконском была в этом издании заменена строками:

Наши сенаторы
Все скоты да воры.

(«Вольный песенник», без даты и места выхода в свет, стр. 11).

¹⁷ Н. И. Греч. Записки о моей жизни. М.—Л., 1930, стр. 499, 500 и др.

¹⁸ В тексте «Полярной звезды» на 1859 г. вторая строка песни закреплена была в редакции: «Носит мундир узкий». Этот вариант повторяется в брошюре И. Г. Головина («Носит мундир узкий») и в записи Я. П. Полонского со слов А. О. Смирновской («Мундир он носит узкий»). В тексте Н. А. Маркевича строка «Носит мундир прусский» или «мундир узкий» («мундир узкий», кстати сказать, и являлся мундиром прусского военного образца) сменяется явно неточным стихом: «Надел штаны узки».

Перемены в обмундировании широко отражены и в солдатском фольклоре и в эпиграмматической традиции первой четверти XIX века. См., например, письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 6 декабря 1818 г. («Ост. архив», т. I, стр. 166). В 1826 г., в связи с изменением формы в войсках по указу от 11 февраля 1826 г., появляется целая серия эпigramм, варьирующих тему:

Желали прав они. Права им и даны:
Из узких сделаны широкие штаны.

Об этих эпиграммах («Когда мятежные народы», «Сказал деспот: мои сыны», «Хотел издать Ликурговы законы» и пр.) см. данные Н. О. Лернера в статье «Из

псевдо-пушкинианы» («Пушкин и его современники», вып. XVI. СПб. 1913, стр. 56—59), а также новейшее исследование Вано Шадури «Друг Пушкина А. А. Шишков и его роман о Грузии». Тбилиси, 1951, стр. 126—127.

¹⁹ Автограф записок Н. А. Маркевича обнаружен был нами в 1936 г. в собрании ленинградского антиквара А. Е. Бурцева; в 1947 г. рукопись эта приобретена Институтом русской литературы. Н. А. Маркевич (1804—1860), внося песню «Царь наш — немец русский» в свои записки, не отметил ни имени автора, ни точного времени распространения этих стихов. Однако мотив, на который исполнялась нелегальная песня, запомнился ему очень хорошо. Это ария из «оригинальной оперы», с «хорами и танцами», поставленной впервые на петербургской сцене в бенефис Сандуновой 4 января 1817 г. и долго не сходявшей с репертуара («Летопись русского театра»). Составил Пимен Арапов. СПб., 1861, стр. 251). В 1818 г. опера была опубликована («Удача от неудачи, или приключение в жидовской корчме, в одном действии». Соч. П. Н. Семенова). СПб., в Театральной типографии, 1818). В комическом дуэте, исполняемом содержателем корчмы и фактором, сохранился тот самый рефрен, о котором упоминает Маркевич.

На основании партитуры оперы «Удача от неудачи» и записок Маркевича мелодия песни «Царь наш — немец русский» была воспроизведена в публикации А. Н. Глумова «Революционные песни декабристов» («Советская музыка», 1950, № 12, стр. 63—64). Самая ссылка Н. А. Маркевича на исполнение Пушкиным песни «Царь наш — немец русский» должна быть отнесена к периоду 1829—1831 гг., когда Маркевич возобновил в Москве личное знакомство с поэтом, прерванное в 1820 г. (ср. А. О. Смирнов-Россет. Автобиография. М., 1931, стр. 208).

²⁰ Список песни «Царь наш — немец русский», сохранившийся в Остафьевском архиве (ЦГИА, ф. № 195, ед. хр. 5612), сделан неизвестной рукой, на бумаге с вод. зн. «1817 г.». О небрежности списка свидетельствует даже его подзаголовок. Первая информация об этом списке дана была М. А. Брискманом в его докладе в Институте русской литературы Академии Наук СССР 4 ноября 1950 г. (доклад опубликован — «Декабристы и их время», 1951, стр. 7—22). Несколько позднее доклада «Новые тексты агитационных песен декабристов» опубликованы были К. В. Пигаревым в «Лит. газете» от 26 декабря 1950 г., № 125.

²¹ Слово «мезерду» в подзаголовке списка Вяземского является ошибочной передачей начала рефрена песенки «Як прихав жолнир» в опере П. Н. Семенова: «Лодзир ду, шине кравер мицер бир». В этом не поддающемся осмыслению наборе звуков имитировался еврейский язык.

²² Алексей Николаевич Потопов, генерал-майор, командир л.-гв. конноегерского полка, известный своим невежеством и самодурством, назначен был дежурным генералом Главного штаба вместо переведенного 30 августа 1823 г. в Финляндию генерала А. А. Закревского.

²³ Первым опытом критического учета материалов для политической биографии Вяземского является статья Н. Кутанова «С. Н. Дурьшина» «Декабрист без декабря» («Декабристы и их время», вып. II, стр. 201—290). Тексты нелегальных агитационно-пропагандистских стихотворений Вяземского с наибольшей полнотой опубликованы в изд.: Избранные стихотворения П. А. Вяземского. Ред., статья и комментарии В. С. Нечаевой. М.—Л., 1935. Характерно, что сам Вяземский считал себя первым русским певцом конституционных гарантий народной свободы. Так, в элегии «Негодование», вспоминая свой стихотворный политический трактат «Петербург» 1818 г., Вяземский писал:

О ты, которая с из детства
Зажгла во мне священный жар,
При коей сносны жизни бедства,
Без коей счастье — тщетный дар.
Свобода! Пылким вдохновеньем,
Я первый русским песнопеньем
Тебя приветствовать дерзал;
И звучным строем песней новых
Будил молчанье скал суровых
И слух ничтожных устрашал.

Это автопризнание одного из ближайших друзей и единомышленников молодого Пушкина не могло бы, конечно, иметь места, если бы «Вольность» Пушкина написана была не в 1819, а в 1817 г.

²⁴ Первый куплет песни мы даем в редакции Д. И. Завалишина, как старейшей и более авторитетной, несмотря на то, что во всех прочих списках второй стих читается: «Носит мундир узкий».

²⁵ Вариант четвертого стиха «Целый день в манеже», закрепленный в первопечатном тексте этой песни в лондонской «Полярной звезде», не подтверждается другими источниками текста (см. прим. 7).

²⁶ Первопечатный вариант первого стиха третьей строфы: «Забирает в когти».

АГИТАЦИОННАЯ ПЕСНЯ «АХ, ТОШНО МНЕ И В РОДНОЙ СТОРОНЕ»

Статья Ю. Г. Оксмана

I

Революционная песня «Ах, тошно мне и в родной стороне» принадлежит к числу самых замечательных произведений агитационной литературы декабристов. Вопрос об этой песне, о ее тексте, авторах и распространителях не случайно явился предметом специального дознания в Следственной комиссии 1825—1826 гг.

30 января 1826 г. член Южного общества С. Г. Волконский, отвечая на запрос следственных органов об известных ему «возмутительных сочинениях», показал, что из таковых он знает только «две народные песни, привезенные <в августе 1824 г.> Матвеем Муравьевым из Петербурга». С. И. Муравьев-Апостол, уточняя 6 февраля 1826 г. эти показания, разъяснил, что «Две народные песни — одна: относящаяся к состоянию крестьян, на голос „Скучно мне на чужой стороне“, другая — возмутительная, на голос подблюдных, были показываемы кн. Волконскому не братом, а мною, и были присланы ко мне братом, получившим их в Петербурге. Наверное не знаю, чьего они сочинения, а слышал, кажется, что они сочинения Рылеева»¹.

Эти первые свидетельства о «возмутительных песнях», распространяемых членами Тайного общества, были подкреплены и расширены в показаниях А. В. Поджио 12 марта 1826 г. Поджио связал появление революционных песен, в том числе и «Ах, тошно мне», со специальным сообщением Рылеева о необходимости новых форм агитации и пропаганды, сделанным им на одном из собраний членов Северного общества в квартире полковника М. Ф. Митькова².

Впервые подлинные строфы агитационных песен прозвучали в Следственной комиссии в ответах на вопросные пункты М. И. Муравьева-Апостола от 10 апреля 1826 г. Приведя по памяти несколько куплетов из песен «Ах, тошно мне», «Вдоль Фонтанки реки» и «Идет кузнец из кузницы» (две последние песни произвольно соединены были при этом в одну), Муравьев-Апостол разъяснял: «Я привез с собою из Петербурга две песни. Одна — сочинение Рылеева, а другая — Бестужева (адъютанта), как мне кажется, что я слышал, но наверно не утверждаю. Впрочем, они скажут, чьи они. Я их получил от Рылеева»³.

И действительно, Рылеев, отвечая на вопросные пункты от 24 апреля, признал себя автором песни «Ах, тошно мне», но при этом категорически утверждал, что им вручена была Муравьеву-Апостолу в Петербурге вместе с этими стихами не песня «Вдоль Фонтанки реки», а элегия «Я ль буду в роковое время»⁴. К своему показанию Рылеев приложил («под № А» и «под № В») полные тексты обоих названных им нелегальных произведений.

Подлинные тексты агитационных стихотворений, восстановленных Рылеевым по памяти и приложенных к его показаниям, были, по личному распоряжению Николая I, уничтожены в 1826 г., как и все прочие документальные доказательства агитационно-пропагандистской работы декабристов. Но в одном из дел Следственной комиссии случайно сохранились точные копии уничтоженных автографов Рылеева. В числе этих копий оказался и тот текст песни «Ах, тошно мне», который печатается сейчас во всех изданиях стихотворений Рылеева.

Объявив себя в 1826 г. автором песни «Ах, тошно мне», Рылеев пытался утаить от следственных органов активное участие в работе над ней своего

друга и соратника А. А. Бестужева. Последний, однако, сам поспешил внести ясность в этот вопрос, показав, что «песню *Ах, скучно мне* написали мы вместе». В тех же показаниях Бестужев подчеркнул еще одно обстоятельство, весьма существенное для уяснения истории текста всех агитационных песен середины двадцатых годов: «...переходя по рукам, многое к ним прибавлено, и каждый на свой лад перевертывал»⁵. Об этом же свидетельствовал 11 мая 1826 г. и декабрист Е. П. Оболенский: «О помянутых Комитетом песнях я слышал, но не знаю оные наизусть и потому написать оных не могу. Сочинением же оных никто не занимался особенно (сколько мне известно), но каждый куплет имел своего автора, и вообще они были плоды веселых часов досуга поэтов и литераторов наших, — членов и не членов Общества, — во время свиданий их между собою»⁶.

Есть ли у нас основание утверждать, что Рылеев, восстанавливая в 1826 г. в Петропавловской крепости текст агитационной песни «*Ах, тошно мне*», стремился к его наибольшей точности и полноте? Можно ли полагать, что он бережно сохранил в этой записи не только лично ему принадлежащие строки, но и все куплеты, автором которых был Бестужев? Разумеется, нет. Записывал он песню не по собственному почину, а по требованию следственных органов; к тому же записывал через два года после ее создания, когда кое-какие строфы он мог уже позабыть. Кроме того, желая уменьшить вину Бестужева, Рылеев некоторые строки или строфы мог умышленно сгладить, лишить политической остроты. Таким образом, текст песни «*Ах, тошно мне*», восстановленный Рылеевым в крепости в 1826 г., без дополнительной аргументации нельзя признать ни самым точным, ни самым полным.

До самого последнего времени критика текста песни «*Ах, тошно мне*» в записи 1826 г. была затруднена, так как и все прочие ее списки были весьма не полны, не точны и случайны. Самый известный из этих списков, впервые опубликованный Герценом и Огаревым в «Полярной звезде» на 1859 г. и затем многократно перепечатававшийся во всех зарубежных изданиях нелегальных стихотворений, заключал в себе только семь строф, искаженных, к тому же, в некоторых стихах до неузнаваемости⁷. Еще менее удовлетворителен был текст этой же агитационной песни в показаниях М. И. Муравьева-Апостола от середины апреля 1826 г. В нем было шесть строф из пятнадцати известных по записи Рылеева, а седьмая отмечалась лишь в кратком прозаическом пересказе: «... тут еще есть насчет господ — господина заодно с приходским попом нас морочут»⁸. Как список «Полярной звезды», так и запись Муравьева-Апостола, не давали поэтому материала для сколько-нибудь определенных текстологических выводов.

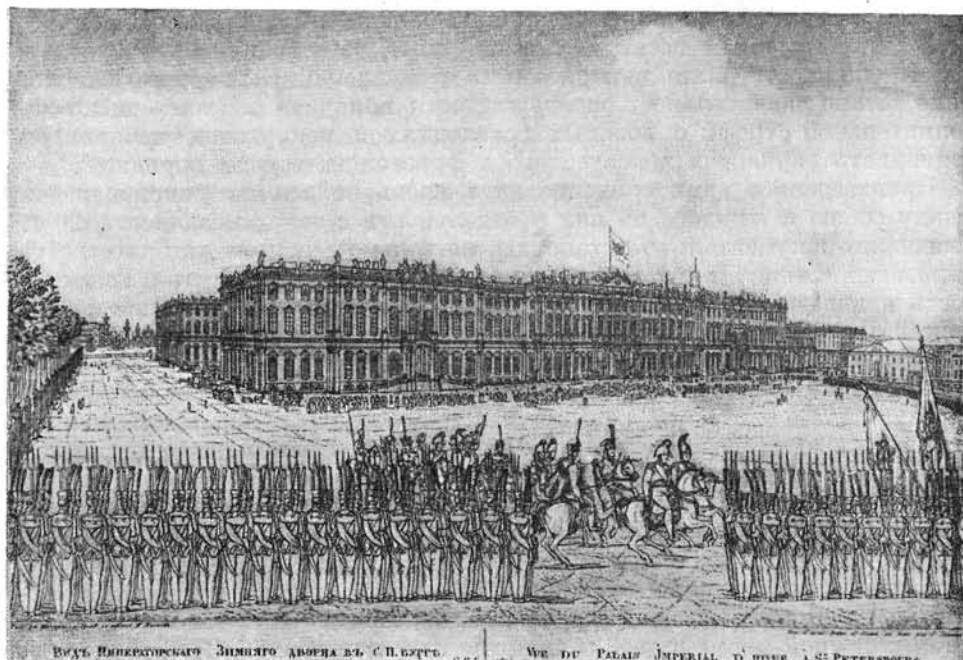
II

Находка двух не известных ранее списков песни «*Ах, тошно мне*», принадлежавших П. А. Вяземскому и сохранившихся в бумагах Остафьевского архива, позволяет сейчас поставить по-новому вопрос о возможности установления критического текста песни.

Как сказано выше, в собрании Вяземского сохранился почти исчерпывающий подбор революционных «подблюдных» песен Бестужева и Рылеева⁹. Вот почему такой интерес представляют для исследователей и новые списки песни «*Ах, тошно мне*».

Один из этих списков исключительно близок к рылеевской записи 1826 г. Эта близость такова, что не оставляет никаких сомнений в возможности восхождения первого списка песни «*Ах, тошно мне*» из собрания Вяземского к оригиналу Рылеева. Текст второго списка из этого же собрания имеет ряд отличий от первого. Эти различия не настолько

значительны, чтобы рассматривать их как признаки особой редакции «Ах, тошно мне», но самый характер правки песни во втором списке Вяземского дает основание предполагать, что эти варианты принадлежат не самому Рылееву, а его соавтору, то есть Бестужеву. В 1824 г. Вяземский был одинаково хорошо знаком и с Рылеевым и с Бестужевым, так что гипотеза не об одном, а о двух авторитетных источниках происхождения списков Вяземского представляется весьма вероятной.

НА ДВОРЦОВОЙ ПЛОЩАДИ В ПЕТЕРБУРГЕ

Офорт И. А. Иванова, 1815 г.

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Время получения Вяземским первого списка мы приурочиваем к середине марта 1824 г. Именно в эту пору переехал на службу из Петербурга в Москву И. И. Пущин, один из ближайших друзей и политических единомышленников Рылеева, деятельнейший член Северного общества. Пущин был близок Вяземскому еще с лицейских лет через Пушкина. В Москве это давнее знакомство перешло в дружбу. Незадолго до 14 декабря Пущин, как известно, передал на хранение Вяземскому все свои литературно-политические реликвии — подлинный текст конституции Н. М. Муравьева, нелегальные произведения Пушкина и Рылеева¹⁰. Совершенно естественно предположить, что за полтора года до этого Пущин мог передать Вяземскому один из списков «Ах, тошно мне» и копии «подблюдных» песен. Второй список песни «Ах, тошно мне» Вяземский мог получить не позже весны 1825 г., в пору пребывания А. А. Бестужева с 24 апреля по 24 мая в Москве. В это время происходили, вероятно, и те беседы Вяземского с Бестужевым на общественно-политические темы, о которых Вяземский писал в своей «Исповеди»¹¹.

Предшествуя на полтора-два года рылеевской записи 1826 г., списки песни «Ах, тошно мне», оказавшиеся в собрании Вяземского, дают, во-первых, самый ранний из всех известных текстов этого произведения,

а во-вторых, и наиболее полный. Из 80 стихов первого списка в тексте записи 1826 г. недоставало только пяти, причем все прочие пятнадцать пятистрочных куплетов шли в обоих текстах в одной и той же последовательности и имели в общей сложности всего семь мелких разночтений, две перестановки стихов, не выходящих за пределы строфы, и три описки.

Учитывая двухлетний интервал между текстом записи Рылеева и первым списком из собрания Вяземского, а также условия сложения и нелегального распространения песни, все эти разночтения должно признать и в качественном и в количественном отношении несущественными¹².

Во втором списке песни «Ах, тошно мне», из собрания Вяземского, в общей сложности было четырнадцать отступлений от первого списка. Одно весьма значительное, определявшееся наличием в этом списке дополнительной строфы о военных поселениях и рекрутских наборах, и тринадцать вариантов лексического и фразеологического порядка¹³.

Произведенное нами сличение двух вновь найденных списков песни между собою и каждого из них в отдельности с текстом записи 1826 г. позволило документально установить не только высокую авторитетность рылеевской записи в целом, но и ее исключительную точность и тщательность в передаче всех лексических, морфологических и ритмико-метрических деталей текста. Однако это же сличение всех трех списков позволило определить и такие отступления в рылеевской записи 1826 г. от более ранних списков агитационной песни, которые никак нельзя свести к результатам авторской ревизии начального текста. Мы имеем в виду отмеченные выше два дополнительных ее куплета, имеющих в списках из собрания Вяземского, то есть десять новых стихов.

В записи 1826 г. песни «Ах, тошно мне» имела пятнадцать пятистрочных строф, — на одну меньше, чем в первом из вновь найденных списков, и на две строфы меньше, чем во втором из них. Эти отличия не могут быть ликвидированы механической вставкой не известных ранее строф в соответственные места записи 1826 г., так как некоторые части новых куплетов в той или иной форме в этой записи все же учитывались. Так, например, в обоих списках из собрания Вяземского строфа четвертая имела следующую редакцию:

Глупость прежних крестьян
Стала воле в изъян,
И свобода
У народа
Силой бар задушена.

В записи Рылеева эта строфа имела иное звучание:

По две шкуры с нас дерут:
Мы посеём, они жнут;
И свобода
У народа
Силой бар задушена.

Можно было бы, конечно, сохранить в предлагаемом нами критическом тексте песни именно этот ее вариант, если бы в обоих списках из собрания Вяземского не оказалась целая строфа, три последних стиха которой были вовсе неизвестны, а в двух первых использован отмеченный выше зачин строфы четвертой:

Они кожу с нас дерут:
Мы посеём, они жнут.
Они воры,
Живодеры,
Как пиявки, кровь сосут.

Эта вставная строфа следовала в списках Вяземского вслед за шестым куплетом общеизвестной редакции песни:

А теперь господу
Грабят нас без стыда...

И в тематическом и в композиционном отношении четвертая строфа песни в обоих списках Вяземского отличается большей остротой и логической слаженностью, чем в записи 1826 г.

В своей мотивировочной части именно эта редакция агитационной песни была особенно близка революционным лозунгам знаменитой прокламации, распространявшейся в Петербурге среди солдат гвардейских полков в конце октября 1820 г.: «Бедные воины! Посмотрите глазами на отечество; увидите, что люди всякого сословия подавлены дворянами. В судебных местах ни малого нет правосудия для бедняка, законы выданы для грабежа судейского, а не для соблюдения правосудия. Чудная слепота народов! Хлебопашцы угнетены податями; многие дворяне своих крестьян гоняют на барщину шесть дней в неделю. Скажите, можно ли таких крестьян исключить из числа каторжных?» И дальше: «Поймите всеобщую нашу глупость и сами себя спросите: кому вверяете себя и целое отечество?»¹⁴. Подрывая представления о незыблемости и «божественной» сущности крепостных отношений, ранняя редакция четвертой строфы доходчиво объясняла процесс закабаления трудового народа лишь «силой бар» и «глупостью прежних крестьян». Заодно в этих же строках давался прямой ответ на вопросы строфы третьей:

Кто же нас кабелил?
Кто им барство присудил?
И над нами,
Бедняками,
Будто с плетью посадил?

Не менее убедительным представляется нам использование именно во вставной строфе, посвященной характеристике барщины, а не в четвертой, как это сделано было в записи 1826 г., зачина:

Они кожу с нас дерут,
Мы посеем — они жнут.

Более сложен вопрос об учете в каноническом тексте песни «Ах, тошно мне» пятистишия, имеющегося только в одном из списков Вяземского:

Дважды в лето рекрут
Без войны с нас берут.
Поселенье,
Разоренье
Православным на беду.

Эта строфа непосредственно следует в списке Вяземского за стихами:

То дороги, то налоги
Разорили нас в конце, —

то есть, если бы мы признали возможным включение этой строфы в текст рылеевской записи 1826 г., то она заняла бы в ней место между 11 и 12-й строфами¹⁵.

Политическая значимость этого вставного куплета исключительно велика: он устраняет тот явный тематический и композиционный пробел в общеизвестном тексте песни, без заполнения которого последняя оказывалась обедненной в одной из самых ответственных своих частей. В самом деле, напоминая о бедствиях, обрушившихся на родную страну под

гнетом помещичье-дворянской реакции, широко характеризую рабство крестьян, ужасы барщины, беззаконие и лихоимство, ненавистную винную монополию, дорожные повинности, непомерные налоги, песня «Ах, тошно мне» в записи 1826 г. совершенно обходила вопрос о военных поселениях, создание которых особенно тяжело ложилось на плечи трудового народа и волновало передовую общественность. Это умолчание гораздо естественнее было бы объяснить ошибкою памяти Рылеева при реконструкции им песни в 1826 г., чем особенностью ее основного текста.

Авторитетность строфы о военных поселениях во втором из списков Вяземского подтверждается еще одним ее вариантом. Вариант этот мало известен, так как он сохранился в той записи песни «Ах, тошно мне», которая сделана была декабристом М. А. Бестужевым лишь в 1870 г. и до сих пор или вовсе не учитывалась в специальной литературе или неправильно толковалась как произвольная позднейшая переделка песни¹⁶.

Находка в архиве Вяземского новых и притом очень ранних списков песни «Ах, тошно мне» позволяет по-новому осмыслить значение и списка М. А. Бестужева.

III

Самый текст песни «Ах, тошно мне» в записи М. А. Бестужева полностью ни разу не воспроизводился. Даем его по автографу:

ПЕСНЯ: АХ, СКУЧНО МНЕ, НА ЧУЖОЙ СТОРОНЕ.

Переложенная К. Рылевым и А. Бестужевым.

Ах, скучно мне
 На родимой стороне,
 И в неволе, в тяжелой доле
 Видно век вековать.
 Долго ль русский народ
 Будет рухлядью господ,
 И людьми, как свиньями,
 Долго ль будут торговать?
 Чем мы хуже господ?
 У нас тот же нос и рот.
 По рассудку и желудку —
 Братья мы, и по кресту.
 А на деле-то не так.
 Нас меняют на собак,
 И для фарту, так на карту
 Ставят всю семью враздробь.!
 А уж правды нигде
 Не найдет мужик в суде;
 Без синюхи судьи глухи,
 Без вины ты виноват.
 Чтоб в палату дойти,
 Прежде сторожу плати
 За отвагу, за бумагу —
 Ты за всё, про всё плати.
 И в деревне солдат,
 Хоть и, кажется, наш брат,
 В ус не дует и воюет,
 Как бы в вражеской земле.
 Дважды в лето рекрут
 Без войны с нас берут.
 То налоги, то дороги

1890
 1891
 1892
 1893
 1894
 1895
 1896
 1897
 1898
 1899
 1900
 1901
 1902
 1903
 1904
 1905
 1906
 1907
 1908
 1909
 1910
 1911
 1912
 1913
 1914
 1915
 1916
 1917
 1918
 1919
 1920
 1921
 1922
 1923
 1924
 1925
 1926
 1927
 1928
 1929
 1930
 1931
 1932
 1933
 1934
 1935
 1936
 1937
 1938
 1939
 1940
 1941
 1942
 1943
 1944
 1945
 1946
 1947
 1948
 1949
 1950
 1951
 1952
 1953
 1954
 1955
 1956
 1957
 1958
 1959
 1960
 1961
 1962
 1963
 1964
 1965
 1966
 1967
 1968
 1969
 1970
 1971
 1972
 1973
 1974
 1975
 1976
 1977
 1978
 1979
 1980
 1981
 1982
 1983
 1984
 1985
 1986
 1987
 1988
 1989
 1990
 1991
 1992
 1993
 1994
 1995
 1996
 1997
 1998
 1999
 2000
 2001
 2002
 2003
 2004
 2005
 2006
 2007
 2008
 2009
 2010
 2011
 2012
 2013
 2014
 2015
 2016
 2017
 2018
 2019
 2020
 2021
 2022
 2023
 2024
 2025
 2026
 2027
 2028
 2029
 2030
 2031
 2032
 2033
 2034
 2035
 2036
 2037
 2038
 2039
 2040
 2041
 2042
 2043
 2044
 2045
 2046
 2047
 2048
 2049
 2050
 2051
 2052
 2053
 2054
 2055
 2056
 2057
 2058
 2059
 2060
 2061
 2062
 2063
 2064
 2065
 2066
 2067
 2068
 2069
 2070
 2071
 2072
 2073
 2074
 2075
 2076
 2077
 2078
 2079
 2080
 2081
 2082
 2083
 2084
 2085
 2086
 2087
 2088
 2089
 2090
 2091
 2092
 2093
 2094
 2095
 2096
 2097
 2098
 2099
 2100
 2101
 2102
 2103
 2104
 2105
 2106
 2107
 2108
 2109
 2110
 2111
 2112
 2113
 2114
 2115
 2116
 2117
 2118
 2119
 2120
 2121
 2122
 2123
 2124
 2125
 2126
 2127
 2128
 2129
 2130
 2131
 2132
 2133
 2134
 2135
 2136
 2137
 2138
 2139
 2140
 2141
 2142
 2143
 2144
 2145
 2146
 2147
 2148
 2149
 2150
 2151
 2152
 2153
 2154
 2155
 2156
 2157
 2158
 2159
 2160
 2161
 2162
 2163
 2164
 2165
 2166
 2167
 2168
 2169
 2170
 2171
 2172
 2173
 2174
 2175
 2176
 2177
 2178
 2179
 2180
 2181
 2182
 2183
 2184
 2185
 2186
 2187
 2188
 2189
 2190
 2191
 2192
 2193
 2194
 2195
 2196
 2197
 2198
 2199
 2200
 2201
 2202
 2203
 2204
 2205
 2206
 2207
 2208
 2209
 2210
 2211
 2212
 2213
 2214
 2215
 2216
 2217
 2218
 2219
 2220
 2221
 2222
 2223
 2224
 2225
 2226
 2227
 2228
 2229
 2230
 2231
 2232
 2233
 2234
 2235
 2236
 2237
 2238
 2239
 2240
 2241
 2242
 2243
 2244
 2245
 2246
 2247
 2248
 2249
 2250
 2251
 2252
 2253
 2254
 2255
 2256
 2257
 2258
 2259
 2260
 2261
 2262
 2263
 2264
 2265
 2266
 2267
 2268
 2269
 2270
 2271
 2272
 2273
 2274
 2275
 2276
 2277
 2278
 2279
 2280
 2281
 2282
 2283
 2284
 2285
 2286
 2287
 2288
 2289
 2290
 2291
 2292
 2293
 2294
 2295
 2296
 2297
 2298
 2299
 2300
 2301
 2302
 2303
 2304
 2305
 2306
 2307
 2308
 2309
 2310
 2311
 2312
 2313
 2314
 2315
 2316
 2317
 2318
 2319
 2320
 2321
 2322
 2323
 2324
 2325
 2326
 2327
 2328
 2329
 2330
 2331
 2332
 2333
 2334
 2335
 2336
 2337
 2338
 2339
 2340
 2341
 2342
 2343
 2344

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Разорили нас вконец.
 Чтобы нас наказать,
 Господь вздумал ниспослать
 Поселенье в разоренье,
 Православным на беду.
 И заплакал народ,
 Но ему зажали рот.
 Аракчеев всех затеев
 И всему тому виной.
 Он царя подстрекнет,
 Царь указ подмахнет.
 Ему шутка, а нам жутко,
 Больно, тяжело — ой, ой, ой!
 До царя далеко,
 А до бога высоко.
 Да мы сами
 Ведь с усами,
 Так мотай себе на ус.

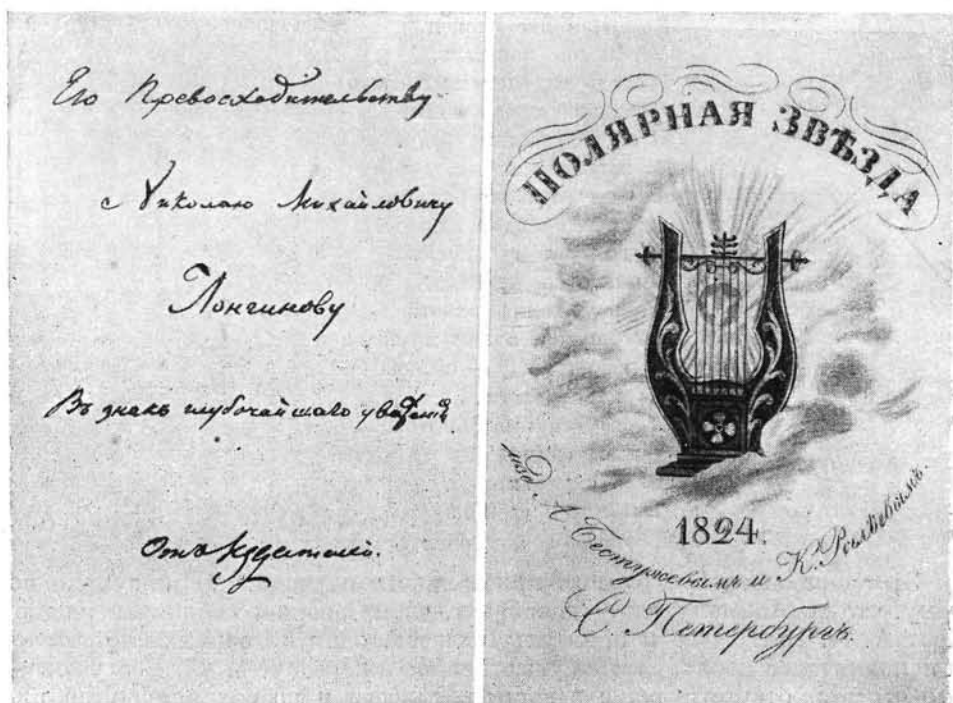
1824 год.

Этот список требует самого пристального изучения. И не только потому, что М. А. Бестужев — декабрист, член Северного общества, родной брат А. А. Бестужева и приятель Рылеева, один из первых слушателей и исполнителей песни. Самое существенное в передаче М. А. Бестужева — это строфы, отсутствующие в записи Рылеева и не сохранившиеся или искаженные в других списках. Наличие именно этих строф — показатель вовсе не модернизации списка, а, наоборот, самое убедительное свидетельство его давности. Список М. А. Бестужева наглядно подтверждает свидетельства декабристов о том, что многие агитационные песни Рылеева и Бестужева не имели строго закрепленного текста. В процессе их исполнения, как указывал А. А. Бестужев, «многое к ним прибавлено».

Эти изменения начального текста, обычно значительно обогащавшие его политическое звучание, могли принадлежать и Рылееву, и Бестужеву, и обоим им вместе, и даже некоторым из их единомышленников, принимавших участие в распространении или исполнении песен. Таково, вероятно, было происхождение и дополнительной строфы о военных поселениях. Мы отметили вариант этой строфы в редакции одного из списков Вяземского. Эти же строки в записи М. А. Бестужева имели более развернутый и литературно отточенный текст и теснее увязывались с общей всем спискам строфой об Аракчееве — организаторе и главном начальнике военных поселений:

Чтобы нас наказать,
 Господь вздумал ниспослать
 Поселенье
 В разоренье,
 Православным на беду.
 И заплакал народ,
 Но ему зажали рот.
 Аракчеев
 Всех затеев
 И всему тому виной.

В редакции, очень близкой к тексту М. А. Бестужева, эти строки сохранились в копии Вяземского. Правда, строфа о военных поселениях в копии Вяземского была явно недоработана, не увязывалась со стихами об Аракчееве, замыкала, а не начинала строфу, но для нас важен самый факт наличия ее в списке, более раннем, чем запись самого Рылеева.

«ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА» НА 1824 ГОД. ЭКЗЕМПЛЯР С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ
ИЗДАТЕЛЕЙ Н. М. ЛОНГИНОВУ

«Его превосходительству Николаю Михайловичу Лонгинову в знак глубочайшего уважения.
От издателей»

Автограф А. А. Бестужева

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Чем же объяснить отсутствие строфы о военных поселениях в рукописи Рылеева? Разумеется, этот пропуск мог быть и совершенно случайным и объясняться тем, что текст восстанавливался по памяти, наспех, в условиях тюремного заключения, для нужд следственных органов. Но возможно и другое объяснение этого пробела. Рылеев, приняв всю вину за написание песни «Ах, тошно мне» на одного себя и не зная о позиции в этом вопросе А. А. Бестужева, мог намеренно воздержаться от включения в свою запись строф, принадлежавших его товарищу по работе. Рылеев легко мог и забыть чужие стихи, тем более, что последние не только дополняли основной текст, но иногда его и корректировали. Так, например, политические и социально-экономические основания протеста против крепостничества, характерные для рылеевского текста песни, заменялись в списке М. А. Бестужева апелляцией к законам природы и «братства по кресту»:

Чем мы хуже господ?
У нас тот же нос и рот.
По рассудку
И желудку —
Братья мы, и по кресту.

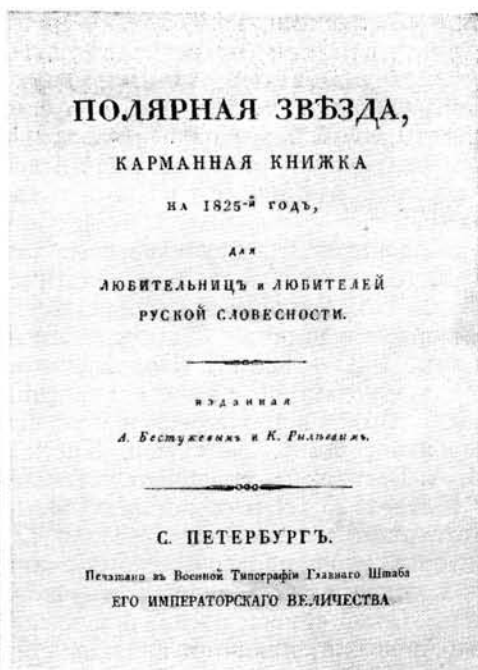
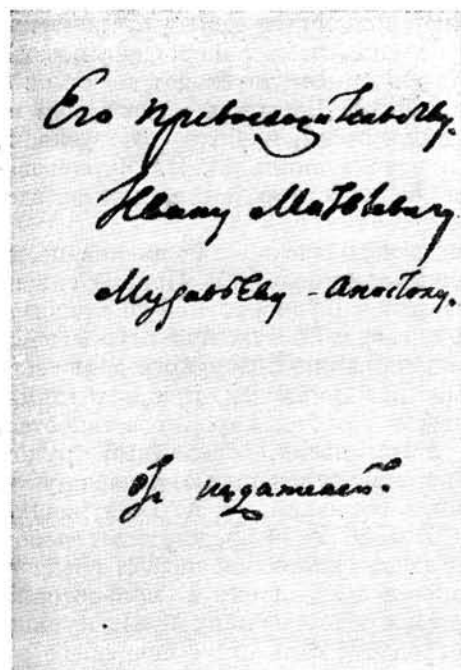
В следующей строфе, также отсутствовавшей в списке Рылеева, очень характерен именно для Бестужева, нередко пользовавшегося польскими и белорусскими диалектизмами, стих «для фарту»:

А на деле-то не так.
Нас меняют на собак,
И для фарту,
Так на карту
Ставят всю семью враздробь.

В пользу принадлежности строф о военных поселениях Бестужеву, а не Рылееву, свидетельствует и особый интерес Бестужева к институту военных поселений, как одной из узловых проблем русской политической действительности двадцатых годов. Так, характеризуя в своем письме к Николаю I из Петропавловской крепости положение России после Отечественной войны, он писал: «Поселения парализовали не только умы, но и все промыслы тех мест, где устроились, и навели ужас на остальные. Частые переходы полков безмерно тяготили напуганных жителей; редкость денег привела крестьян в неоплатные недоимки, одним словом — все они вздыхали о прежних годах, все роптали на настоящее, все жаждали лучшего»¹⁷.

В этих формулировках очень показательны и общая оценка военных поселений, близкая строкам о них в песне «Ах, тошно мне», и напоминание о разорительности для крестьян военных постоев, о которых шла речь в специальной строфе песни, выпавшей из текста Рылеева, но сохранившейся в передаче М. А. Бестужева:

И в деревне солдат,
Хоть и, кажется, наш брат,
В ус не дует
И воет,
Как бы в вражеской земле.

«ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА» НА 1825 ГОД. ЭКЗЕМПЛЯР С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ИЗДАТЕЛЕЙ И. М. МУРАВЬЕВУ-АПОСТОЛУ

«Его превосходительству Ивану Матвеевичу Муравьеву-Апостолу. От издателей»

Автограф А. А. Бестужева

Библиотека АН СССР, Ленинград

Если признать все строфы и строки, отсутствовавшие в записи Рылеева, вставкой в оригинал, сделанной А. А. Бестужевым как соавтором, то нисколько не покажется странным тот факт, что М. А. Бестужев лучше помнил стихи своего брата, чем строфы, написанные Рылеевым. Поэтому в редакции песни «Ах, тошно мне», восстановленной М. А. Бестужевым, дублировалось только восемь строф из пятнадцати, записанных Рылеевым, а большая часть остальных была заменена вариантами, восходящими, вероятно, к утраченному тексту песни в редакции А. А. Бестужева. Не случаен в этом отношении и зачин записи М. А. Бестужева: «Ах, скучно мне / На родимой стороне». Именно этот вариант начальных строк песни предпочел и А. А. Бестужев, упоминая в своих показаниях нелегальную песню «Ах, скучно мне», а не «Ах, тошно мне». К его же редакции песни восходила и вторая строка зачина («На родимой стороне» вм. «На родной стороне»), ибо этот вариант песни повторялся и в записи М. А. Бестужева и во втором списке Вяземского.

Мы уже высказали выше предположение о возможной связи одного из списков песни «Ах, тошно мне» в собрании Вяземского с оригиналом Рылеева, а другого — с записью Бестужева. Эта гипотеза подтверждается совпадением ряда стихов в списке М. А. Бестужева именно со вторым списком Вяземского (строфа о военных поселениях и рекрутских наборах, часть зачина, порядок строк в некоторых куплетах и т. д.). Второй список песни в собрании Вяземского, видимо, отражал первую стадию работы А. А. Бестужева над правкой песни Рылеева, а список М. А. Бестужева закреплял текст песни после коренной ее переделки. В списке М. А. Бестужева немало явных дефектов, например, отсутствие некоторых общеизвестных строф, не поддающееся мотивировке (строф 4, 7, 12-й), грубые искажения отдельных стихов (например, «И людьми, как свиньями» вм. «И людьми, как скотами»), неправильная передача метрической структуры песни (пятистрочная строфа произвольно превращена в четырехстрочную путем стяжения двух укороченных двустопных стихов в один). Однако все эти недочеты записи М. А. Бестужева, сделанной по памяти почти через полвека после создания песни, не более значительны, чем отклонения от оригинала Рылеева в показаниях М. И. Муравьева-Апостола в 1826 г. и в печатном ее тексте в «Полярной звезде» на 1859 г.

Сравнительное изучение всех дошедших до нас шести списков песни «Ах, тошно мне» позволяет прийти к следующим выводам. Первый список песни, сохранившийся в собрании Вяземского, условно можно признать ее первой редакцией, принадлежащей Рылеву и Бестужеву и относящейся к зиме 1823—1824 гг. Второй список из собрания Вяземского дает текст той же редакции песни с некоторыми дополнениями и изменениями, родившимися в процессе ее исполнения. Автором этих вариантов является, вероятно, А. А. Бестужев. Третий список песни, сделанный рукой М. А. Бестужева, позволяет установить новую ее редакцию, относящуюся к 1824—1825 гг. и созданную, без всяких сомнений, А. А. Бестужевым. Четвертый список — рылеевская запись 1826 г. — представляет собою литературно наиболее отделанный текст песни, освобожденный от позднейших дополнений и поправок участников в ее создании и распространении. Пятый список песни, дошедший до нас в показаниях М. И. Муравьева-Апостола, является искаженной передачей семи строф первой ее редакции. Наконец, шестой список, известный по публикации «Полярной звезды», представляет собою неисправную запись семи случайных строф песни, сделанную по памяти, но близкую к рылеевской редакции 1826 г.

Восстанавливая наиболее полный и точный текст песни «Ах, тошно мне», исследователь нелегальной агитационной литературы двадцатых

годов не может ограничиться той ее редакцией, которая дошла до нас в записи Рылеева. Вождю Северного общества, автору «Войнаровского» и «Наливайко», принадлежал самый замысел этой песни, ее общий литературный и политический план, ее наиболее острые и доходчивые формулировки. Но в массовый оборот эта революционная сатирическая песня вошла не в том варианте, создателем которого был Рылеев, а в новой редакции, установленной после принятия Рылеевым поправок и доделок Бестужева. Важнейшие из поправок к начальному тексту песни дошли до нас в списках, обнаруженных в бумагах П. А. Вяземского и М. А. Бестужева. Эти списки позволили установить, что не только первая, неизвестная нам редакция песни, но и позднейший ее текст, сохранившийся в рылеевской записи 1826 г., лишены были нескольких весьма важных в идейно-тематическом отношении строф, без учета которых нельзя было бы реконструировать текст песни, имевший хождение в 1823—1825 гг. Как и все опыты текстологических реконструкций, предлагаемая нами редакция песни «Ах, тошно мне» имеет в некоторых своих частях условный характер, не заменяя уничтоженный в свое время оригинал, а лишь в меру возможности к нему приближаясь (звездочкой обозначаем строфы, отсутствующие в рылеевской записи песни)¹⁸.

Вот предлагаемый нами сводный текст песни:

Ах, тошно мне
И в родной стороне;
 Всё в неволе,
 В тяжкой доле,
Видно, век вековать.

Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ,
 И людьми,
 Как скотами,
Долго ль будут торговать?

Кто же нас кабалил,
Кто им барство присудил,
 И над нами,
 Бедняками,
Будто с плетью посадил?

*Глупость прежних крестьян
Стала воле в изъян,
 И свобода
 У народа
Силой бар задушена.

А что силой отнято,
Силой выручим мы то.
 И в приволье,
 На раздолье
Стариною заживем.

А теперь господа
Грабят нас без стыда,
 И обманом
 Их карманом
Стала наша мошна.

*Они кожу с нас дерут,
Мы посеём — они жнут.
Они воры,
Живодееры,
Как пиявки, кровь сосут.

Бара с земским судом
И с приходским попом
Нас морочат
И волочат
По дорогам да судам.

А уж правды нигде
Не ищи, мужик в суде,
Без синюхи
Судьи глухи,
Без вины ты виноват.

Чтоб в палату дойти,
Прежде сторожу плати
За бумагу,
За отвагу,
Ты за всё, про всё давай!

Там же каждая душа
Покривится из гроша.
Заседатель,
Председатель,
Заодно с секретарем.

Нас поборами царь
Иссушил, как сухарь;
То дороги,
То налоги
Разорили нас вконец.

*И в деревне солдат,
Хоть и, кажется, наш брат,
В ус не дует
И воюет,
Как бы в вражеской земле.

А под царским орлом
Ядом потчуют с вином.
И народу
Лишь за воду
Велят вчетверо платить.

*Чтобы нас наказать,
Господь вздумал ниспослать
Поселенье
В разоренье,
Православным на беду.

Уж так худо на Руси,
Что и боже упаси!

Всех затеев
Аракчеев
И всему тому виной.

Он царя подстрекнет,
Царь указ подмахнет.
Ему шутка,
А нам жутко,
Тошно так, что ой, ой, ой!

А до бога высоко,
До царя далеко.
Да мы сами
Ведь с усами,
Так мотай себе на ус.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ВД, т. IV, стр. 289. — Об отъезде М. И. Муравьева-Апостола из Петербурга именно в августе 1824 г. см.: ВД, т. IX, стр. 282.

² ЦГИА, ф. № 48, д. 402, лл. 56 об.—57. — Совещание у М. Ф. Митькова, на котором выступил Рылеев (ВД, т. I, стр. 176—177), относится ко второй половине ноября 1823 г. Выдвигая вопрос о переделке в революционном духе наиболее распространенных песен, в том числе «Ах, тошно мне» (песня Ю. А. Нелединского-Мелецкого), Рылеев приступил к реализации этого замысла лишь в самом конце 1823 г., о чем свидетельствовал в своих показаниях А. А. Бестужев: «Я не знаю, по научению ли Общества сделал сие Рылеев, только однажды в 1822-м году (Бестужев допустил в дате явную ошибку), в конце, в забавном расположении духа, пригласил он меня написать что-нибудь народным языком либеральное, и песню *Ах, скучно мне* написали мы вместе, а некоторые *подблюдные* я один» (ВД, т. I, стр. 457—458). Дата «подблюдных» песен точно определяется обычным временем их исполнения — новогодними гаданьями от 1 до 6 января. Поскольку песня «Ах, тошно мне» им предшествовала, дата ее написания определяется последними числами декабря 1823 г., а время распространения — первую половину января 1824 г. К этому же времени относится и вступление А. А. Бестужева в Тайное общество.

³ ВД, т. IX, стр. 261. — Ср. выписки в деле Рылеева — ВД, т. I, стр. 210.

⁴ ВД, т. I, стр. 176. — Ср. «Списки с начальных допросов Пестеля и с показаний Рыльева» в фонде материалов Следственной комиссии по делу декабристов, № 281, лл. 97—99. При воспроизведении рылеевской записи песни «Ах, тошно мне» первое слово в стихе «Бара с земским судом» обычно передается как: «баре» вм. «бара». Полагаясь на ошибочные утверждения М. И. Муравьева-Апостола и не зная ни дополнительных показаний Рыльева, ни отмеченных выше (см. стр. 85) литературно-документальных приложений к ним, М. А. Брискман произвольно приписал свидетельство Рыльева его позднейшим исследователям и на этом основании пытался доказать, что Рылеев вручил Муравьеву-Апостолу стихи «Вдоль Фонтанки реки», а не «Я ль буду в роковое время» («Декабристы и их время», 1951, стр. 17).

⁵ ВД, т. I, стр. 457—458.

⁶ Там же, стр. 267.

⁷ Список песни «Ах, тошно мне», опубликованный в «Полярной звезде» на 1859 г. (кн. V, стр. 11), имеет всего семь строф (недостает куплетов 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10-го и последнего, заключительного). Отдельные стихи искажены еще сильнее, чем в записи Муравьева-Апостола (например: «Для заводу» вм. «Лишь за воду»; «А наборами нас царь» вм. «Нас поборами царь»). Менее существенны другие отступления от записи 1826 г.: 1) «Ай и скучно мне / Во своей стороне»; 2) «Барин с земским судом» вм. «Бара с земским судом»; 3) «Усушил нас, как сухарь» вм. «Иссушил, как сухарь». Текст «Полярной звезды» перепечатан был без перемен в сб. «Русская потаенная литература XIX столетия». Лондон, 1861, стр. 114—115, и в Полн. собр. соч. Рыльева. Лейпциг, 1861, стр. 333—335.

⁸ В списке М. И. Муравьева-Апостола всего шесть стихотворных строф, соответствующих строфам 1, 8, 10, 12, 13 и 15-й текста песни «Ах, тошно мне» в записи Рыльева 1826 г. Строфа 7-я дана им же в дополнительном прозаическом пересказе (ВД, т. IX, стр. 261—262). Характерно, что в передаче Муравьева-Апостола отсутствовали наиболее острые в политическом отношении строфы. О небрежности и неточности передачи свидетельствуют такие стихи, как «Без свиху судьи глухи» вм. «Без синюхи судьи глухи» или: «А под парским вензелем» вм. «А под парским орлом». Значит песни в передаче Муравьева-Апостола: «Ах, скучно мне / И в родной стороне»

был ближе списку М. А. Бестужева («Ах, скучно мне / На родимой стороне») и «Полярной звезды» («Ай и скучно мне / Во своей стороне»), чем оригиналу Рылеева.

⁹ Первые сведения об агитационных песнях, обнаруженных в Остафьевском архиве, или вовсе исключали данные о не известных ранее списках песни «Ах, тошно мне» (см., например, «Декабристы и их время», 1951, стр. 11—12) или ограничивались справкой только об одном из этих списков — втором по нашему описанию («Вестник Академии Наук», 1951, № 3, стр. 138). — О Вяземском см. выше, стр. 76—79.

¹⁰ И. И. Пущин прибыл из Петербурга в Москву в качестве представителя Северного общества 14 марта 1824 г. (Н. П. Чулков. Москва и декабристы. — «Декабристы и их время», II, стр. 303). История передачи Пущиным перед отъездом в Петербург в декабре 1825 г. самых ценных материалов своего архива Вяземскому освещена в статье Н. М. Дружинина в сб. «Декабристы и их время», I, стр. 67—68. Однако данные исследователя о том, что Вяземский был в день 14 декабря 1825 г. в Петербурге, ошибочны: Пущин передал Вяземскому свой портфель в Москве. Ср. письмо Вяземского к А. И. Тургеневу от 13 декабря 1825 г. из Остафьева в Петербург («Переписка А. И. Тургенева с кн. П. А. Вяземским», т. I. Пг., 1921, стр. 20—23).

¹¹ «Памяти декабристов», I, 1926, стр. 81. Ср. Полн. собр. соч. П. А. Вяземского, т. IX. СПб., 1884, стр. 107.

¹² Список песни «Ах, тошно мне», условно называемый нами первым, писан на двух листах бумаги в четвертку, без водяных знаков (по описи ЦГЛА, ф. № 195, ед. хр. 5569, лл. 4—5). Список разбит на строфы, отделенные одна от другой знаком: ‡. Почерк тот же, которым переписаны песни «Царь наш — немец русский» и все «подблюдные» агитационные песни в собрании Вяземского. То обстоятельство, что текст подблюдных песен в этих списках испещрен многочисленными ошибками, не позволяет связать ни одну из копий, сделанных той же рукою, с подлинниками, Бестужева (см. варианты — прим. 18).

¹³ Список песни «Ах, тошно мне», условно называемый нами вторым, не имеет деления на строфы и сохранился на первых трех листах особой тетради в четвертую долю листа, без водяных знаков. Архивный шифр тот же, что и в первом списке этих же стихов (см. варианты — прим. 18).

¹⁴ «Декабристы», 1926, стр. 38—39. — В солдатской прокламации 1820 г. находим мы первоисточник и строфы четвертой агитационной песни Рылеева: «Скажите, что должно ожидать от царя, разве того, чтобы он нас заставил друг с друга кожу сдирать!»

¹⁵ Использование во втором списке песни «Ах, тошно мне» в собрании Вяземского стиха «Они кожу с нас дерут», вместо более выразительного «По две шкуры с нас дерут», можно объяснить желанием избежать соседства сходных стихов «По две шкуры с нас дерут» и «Дважды в лето рекрут / Без войны с нас берут».

¹⁶ Список песни «Ах, тошно мне», сделанный рукою М. А. Бестужева (см. воспроизведение автографа на стр. 91), сохранился в собрании бумаг Н. К. Шильдера в ГПБ. Текст песни следует в этом автографе после записи стихов Рылеева «К молодому русскому поколению» («Я ль буду в роковое время»). На первом листе сохранилась отметка: «Этот листок писан рукою Мих(аила) Александровича Бестужева в 1870 г.». Правильность этой атрибуции подтверждается сличением рукописи с другими автографами М. А. Бестужева. Важнейшие из вариантов песни «Ах, тошно мне» в списке М. А. Бестужева впервые отмечены в книге: М а с л о в, стр. 334.

¹⁷ «Декабристы», 1926, стр. 10.

¹⁸ Обоснование изменений и дополнений, внесенных нами в текст рылеевской записи песни, сделанной в 1826 г. (ЦГИА. Дело бывш. Гос. архива, I В, № 281, лл. 97—99), — см. стр. 88—90 и 94—95, а также прим. 4, 7, 12.

Приводим здесь полностью разночтения обоих списков из архива Вяземского. Варианты списка, называемого нами «первым» (ед. хр. 5569, лл. 4—5): 1. «Ох, тошно мне» вм. «Ах, тошно мне»; 2. «Вы в неволе» вм. «Всё в неволе»; 3. «И людьми» вм. «И людьми»; 4. «А что силой взято» вм. «А что силой отнято»; 5. «Они кожу с нас дерут» вм. «По две шкуры с нас дерут»; 6. «А там каждая душа» вм. «Там же каждая душа»; 7. «А поборами царь» вм. «Нас поборами царь»; 8. «Источил нас, как сухарь» вм. «Иссушил, как сухарь»; 9. «Ох, так больно на Руси» вм. «Уж так худо на Руси»; 10. «За отвагу, / За бумагу» вм. «За бумагу, / За отвагу»; 11. «Аракчеев всех затеев» вм. «Всех затеев Аракчеев»; 12. «Нам тошно» вм. «А нам тошно».

Варианты второго списка (ед. хр. 5569, лл. 1—3): 1. «На родимой стороне» вм. «И в родной стороне»; 2. «В злой неволе» вм. «Всё в неволе»; 3. «А что силою взято» вм. «А что силой взято»; 4. «Да с приходским попом» вм. «И с приходским попом»; 5. «Нас волочат» вм. «И волочат»; 6. «За бумагу, / За отвагу» вм. «За отвагу, / За бумагу»; 7. «Без вины будь виноват» вм. «Без вины ты виноват»; 8. «То налоги, то дороги» вм. «То дороги, то налоги»; 9. «Ой, так худо на Руси» вм. «Ох, так больно на Руси»; 10. «А нам жутко» вм. «Нам жутко»; 11. «До царя знать далеко, / А до бога высоко» вм. «А до бога высоко, / До царя далеко»; 12. «Брат с усами» вм. «Ведь с усами».

Из этих разночтений два полностью, а одно частично совпадают со списком 1826 г.: 1. «За бумагу, / За отвагу»; 2. «А нам жутко»; 3. «Ой так худо на Руси».

АГИТАЦИОННАЯ ПЕСНЯ «ВДОЛЬ ФОНТАНКИ РЕКИ» И УЧАСТИЕ А. И. ПОЛЕЖАЕВА В ЕЕ РАСПРОСТРАНЕНИИ

Статья Л. А. Мандрыкиной

I

Недавно в следственном деле «О злоумышленном тайном обществе» братьев Критских нами были обнаружены две записи агитационной песни «Вдоль Фонтанки реки»¹; позднее один список был найден в Остафьевском архиве Вяземских²; кроме того, в опубликованных показаниях М. И. Муравьева-Апостола имеется запись стихов «Вдоль Фонтанки реки», прочитанных им на допросе³. Таким образом, в руках исследователей находятся сейчас четыре варианта этой песни. По своей политической направленности она примыкает к агитационным песням Рылеева и А. А. Бестужева.

Повидимому, ее содержание связано с восстанием Семеновского полка⁴. События, разразившиеся в 1820 г. в Семеновском полку, служили постоянной темой бесед декабристов с солдатами. Естественно, что поэты-декабристы не прошли мимо такой значительной для агитации темы.

Ниже мы приводим данные, позволяющие утверждать, что в песне действительно отражено восстание Семеновского полка. Несомненный интерес представляют материалы, свидетельствующие о распространении этой песни сначала самими декабристами, затем их последователями (в 1826 г.).

И наконец, дело о распространении песни «Вдоль Фонтанки реки» важно еще и потому, что оно тесно связано с именем одного из крупных поэтов первой половины XIX в. — А. И. Полежаева.

Среди материалов следствия по делу Критских обнаружены подлинные показания членов Общества и Полежаева, обвиняемого Следственной комиссией в распространении противоправительственных стихов⁵. Показания подтверждают, что Полежаев был знаком с членами кружка Критских. Эти показания позволяют также исправить некоторые неточности, вкравшиеся в биографию поэта. Так, например, биографы Полежаева — В. В. Баранов и Н. Ф. Бельчиков — полагают, что Следственная комиссия по делу Критских обвиняла Полежаева в сочинении и распространении известных стихов «Ах, где те острова», в действительности сочиненных Рылеевым⁶.

Но, как видно из документов следствия, Полежаев не привлекался к суду за сочинение этого стихотворения. Его обвиняли в том, что он распространил песню «Вдоль Фонтанки реки».

Публикуемые нами «Вопросные пункты, на которые имеет ответить Бутырского пехотного полка рядовой Полежаев», являются собственноручно написанными показаниями Полежаева — документом, подтверждающим связь поэта с кружком Критских.

Скудные документальные материалы, характеризующие пребывание Полежаева в университете, до сих пор не дают возможности с точностью установить, был ли поэт связан с вольнолюбивыми студенческими кружками и в чем выражалась эта связь. Для подтверждения наличия связи обычно ссылаются на тот факт, что Полежаев привлекался к следствию по делу «Тайного общества Критских» в 1827 г. Но и эти сведения крайне незначительны и неточны.

Таким образом, найденные документы проливают свет на одно из неизученных мест биографии поэта.

II

О существовании песни «Вдоль Фонтанки реки» впервые стало известно из показаний декабристов. Следственная комиссия с большой настойчивостью допытывалась у них о тексте этой песни. Начало песни «Вдоль Фонтанки реки / Квартируют полки» членам Комиссии сообщил в своем показании С. Г. Волконский (30 января 1826 г.). 31 января подполковник Сергей Муравьев-Апостол был спрошен о содержании двух песен, которые его брат, Матвей Муравьев-Апостол, привез из Петербурга и «показывал князю Волконскому и другим членам Южного общества», а также о том, кто был автором этих песен. На предложенный вопрос С. И. Муравьев-Апостол отвечал (6 февраля 1826 г.), что песни эти действительно были привезены ему из Петербурга братом, что автор их, кажется, Рылеев и что Волконскому передавал их он сам, а не Матвей⁷. 10 апреля 1826 г. М. И. Муравьеву-Апостолу было предъявлено обвинение в том, что в 1823 г. он привез из Петербурга «две песни (кажется, сочинения Рылеева): одну, относящуюся до состояния крестьян, и другую — возмутительную», которые и отдал брату своему, Сергею. Комиссия хотела также знать имя автора этих песен, их содержание и от кого они были получены М. И. Муравьевым-Апостолом в Петербурге. Интересовались члены Комиссии и тем, кто передал песни С. И. Муравьеву-Апостолу и М. П. Бестужеву-Рюмину, которые распространяли их среди солдат и членов Общества. М. И. Муравьев-Апостол отвечал, что он «привез с собой из Петербурга две песни: одна — сочинение Рылеева, а другая — Бестужева (адъютанта), как мне кажется, что я слышал, но наверно не утверждаю; впрочем, они скажут, чьи они. Я их получал от Рылеева». Одна из этих песен начиналась словами «Ах, скучно мне»; другая — «Вдоль Фонтанки реки». Матвей Муравьев-Апостол, по требованию Комиссии, прочитал первую песню, а затем и вторую:

Вдоль Фонтанки реки квартируют полки. Слава!
 Квартируют полки все гвардейские. Слава!
 Их и учат, и мучат, что ни свет, ни заря. Слава!
 Что ни свет, ни заря для потехи царя. Слава!
 Идет кузнец из кузницы. Слава!
 Несет кузнец три ножа. Слава!
 Один нож на господ, на вельмож. Слава!
 Другой нож на попов, на святош! Слава!
 А третий нож, молитву сотворя, на вампира, на царя. Слава!
 Тогда будет тепло, умно и хорошо. Слава!

По словам Муравьева-Апостола, стихи были написаны Бестужевым⁸. 24 апреля Рылееву было предложено представить Комиссии текст двух песен: «Вдоль Фонтанки реки» и «Подгуляла я», переданных им Сергею Волконскому и Матвею Муравьеву-Апостолу. Рылеев категорически заявил, что песен этих не знал, а потому и передавать их никому не мог⁹. 6 мая о тексте песни и об авторе ее был спрошен И. И. Пущин. Пущин ответил, что песню слышал, знает «изложженные два стиха и что впоследствии идет речь о ножах для властей». Автора ее Пущин не назвал¹⁰.

9 мая Е. П. Оболенский тоже получил приказание Комиссии написать текст песни «Вдоль Фонтанки реки». Оболенский ответил, что о песне этой он слышал, но наизусть ее не помнит и поэтому написать ее не может. Автора песни Оболенский тоже не назвал¹¹. Наконец, 10 мая 1826 г. был допрошен предполагаемый автор песни Александр Бестужев. Комиссия спрашивала Бестужева: писал ли он, а если писал, то с каким намерением песню «Вдоль Фонтанки реки» и кому она была отдана им «для

Подблюдныя пьесны.

а.

Слава богу на небо, а свободу на сир' земли!
Тыбы приволье ея не излюбивавшя,
Ея первыио зрүзвель не состарбававшя,
Някъ савельяло, вындрывавшя не рудававшя,
Някъ зотрывавшя нечель не избывававшя.
Слава богу на небо, а свободу на сир' земли!
Да и брѣшя. ака Православныйи рака. Слава!

б.

Какъ идетъ музика изъ Новогорода,
У того музика ариета брѣда;
Окъ не плутовъ, ни ворѣ, за спикой топорѣ;
А къ какому оиѣ предѣстъ, такъ глѣву сорветъ.

Кому выкестя, тобу сбудетя;

А тобу сбудетя, не лжуетя. Слава!

в.

Взадъ фронтаны рѣки, надртирующа поны,
Някъ и угаетъ, някъ и лжуетъ, ни свѣтъ ни зра.
Тмо на свѣтъ ни зра, зра помыи цра.
Развѣ някъ у някъ руке, токъ навалитя мукѣ?
Развѣ някъ штыковѣ на Клевковѣ еденковѣ?
Да белословыйи поны показуетъ някъ токъ.
А кому сбудетя, не лжуетя. Слава!

г.

Сай, мама; музика, пѣли пирѣи!
Къ тебѣ брѣдутъ гости, къ тираму враги,
Не съ ^{шкѣна} бѣжавши, не съ помыи ками,

А съ змѣстохъ да съ закупахъ.

Ты ми спбѣи, не мнучется еси,

И въ послѣднѣй разѣ приключѣ: бѣго по селу!

5.

Ужь каже на нѣтъ твои радуеть,

А у добрыхъ людей да въ радости:

Правда въ судѣ, да свобода ведѣ,

Да и бѣдѣи оны Васильевы дачи. Сила!

6.

Ужь вы вѣста ведѣи на бѣдѣи е. Сила;

Вы готовѣ ноги на сѣмѣевыхъ князѣ;

И на лѣсто фронтѣи порывавъ князѣ;

Пода бѣдѣи тѣхъ, и зѣло и свѣто. Сила!

7.

Каже вѣстѣ кузнецъ изъ кузницы, Сила!

Ты мнѣ кузнецъ? Да при кузница

Вотъ ужъ первѣи ты кузѣ, ты зѣдѣи въ кузницѣ,

А зѣдѣи ты кузѣ на судѣи на Кузнецовѣ;

А лѣнѣи сопора: тѣмѣи кузѣ на удрѣ.

Каку вѣстѣи, тѣмѣи судѣи,

Каку судѣи, не мнучется. Сила!

распространения между солдатами и народом». Бестужев ответил, что вместе с Рылевым писал он народным языком «либеральное», а некоторые подблюдные песни писал один¹². О каких именно песнях идет речь — он не сказал. На этом дознание относительно текста песни, ее распространения, имени ее автора и было закончено.

Итак, вопросы Следственной комиссии и ответы декабристов свидетельствуют, что песня «Вдоль Фонтанки реки» была известна членам Северного и Южного обществ. Многие из них знали, кем она написана (хотя и не давали об авторах песни точных показаний) и распространяли ее вместе с другими агитационными стихотворениями поэтов-декабристов. Почти в то же время, когда Следственная комиссия, пытаясь узнать текст песни «Вдоль Фонтанки реки», допрашивала о ней декабристов, поэт Александр Полежаев читал ее студенту Московского университета Петру Пальмину, назвав автором этой песни Рылева.

Летом 1827 г. стихи эти были уже известны в кружке Критских.

III

Дело братьев Критских возникло летом 1827 г. по доносу штаб-капитана Сибирского гренадерского полка Боцана и прапорщика Ковалевского. 9 августа они «довели до сведения» командира полка, полковника Юницына, что студент Московского университета, Николай Лушников, сообщил им о существовании в Москве «тайного общества», членом которого он состоял. По словам Лушникова, целью Общества было «истребление царской фамилии и утверждение нового конституционного строя». Общество занималось пропагандой своих идей и распространением запрещенной декабристской литературы. Организаторами и активными членами его были студенты Московского университета — братья Критские¹³.

В тот же день донос поступил к московскому военному генерал-губернатору кн. Д. В. Голицыну. 14 августа были арестованы Лушников и Критские, а бумаги их опечатаны. 16 августа уже начала действовать «Особая следственная комиссия по делу злоумышленного тайного общества», образованная по приказу Голицына.

В течение трех дней были допрошены Николай Лушников, Петр Критский и братья его, студенты нравственно-политического отделения Московского университета, Василий и Михаил Критские.

Вскоре были привлечены к следствию и остальные члены кружка: канцелярист Кремлевской экспедиции Данила Тюрин, коллежские регистраторы Алексей Матвеев и Петр Томанский и другие.

Комиссии после первых же допросов стало ясно, что новое восстание, «подобное 14-му декабря», правительству не грозит. «Преступления их, — докладывала Следственная комиссия генерал-губернатору Голицыну, — составляет: во-первых, замысел преобразовать государство, соединенный с намерением покушения на священную жизнь государя императора; во-вторых, вольные суждения». По определению Комиссии, «на сей раз преступления эти оказались не страшны. Стремления Общества к преобразованию, никакими особо продуманными правилами к цели их не руководимые и в одних еще разговорах заключающиеся, являются порождением буйной молодости и необузданного воображения, распыленного чтением вольномысленных сочинений и отчасти примером прежних возмутителей»¹⁴.

Убедившись, что 14 декабря пока еще повториться не может, члены Комиссии обратили сугубое внимание на другую сторону деятельности «тайного общества» — на чтение и распространение «вольномысленных сочинений».

Особенно интересовал Комиссию вопрос, когда и от кого были получены или услышаны Критскими песни Рылеева.

После казни декабристов, несмотря на жесточайший террор, стихотворения Рылеева и Бестужева стали широко распространяться в рукописных сборниках и в устной передаче. Их заучивали наизусть, им подражали. В конце двадцатых годов политических «обличительных» стихотворений сочинялось немало. В подражание декабристам писались стихи-прокламации, вольные стихи. Известны распространявшиеся в 1827—1831 гг. во Владимирской губернии ода-прокламация «Свобода» безымянного автора, вольные стихи дворового человека Гаврилы Пономарева, агитационные стихи Николая Лушников, стихи антирелигиозного направления, сочиненные в подражание пушкинской «Гавриилиаде» Федором Гуровым. По многим городам России разослал свою стихотворную прокламацию штабс-капитан Ситников. Эти произведения продолжали традицию русской обличительной литературы¹⁵.

Как видно из «дела», в кружке Критских хорошо сознавали агитационную роль противоправительственных сочинений. В ответах обвиняемых звучало восхищение поэзией декабристов. На вопрос Комиссии Василий Критский прямо заявил, что мысли о свободе возникли у членов кружка под влиянием стихов Пушкина и Рылеева¹⁶.

Распространять декабристские стихотворения Критские и их друзья считали необходимым в интересах политической пропаганды. В июле 1826 г. Полежаев передал студенту Московского университета П. М. Пальмину песню «Вдоль Фонтанки реки». Песня попала в кружок Критских и приобрела значительный круг читателей. Комиссия выяснила, что большой интерес в кружке Критских вызвала песня-сатира Рылеева «Ах, где те острова». Спрошенный по этому поводу Василий Критский на допросе 6 сентября заявил: «Я говорил вышепоказанные мною стихи: „Близ Фонтанки реки“ и проч. Лушникову и Тюрину, а сей сказал нам следующие стихи:

Ах, где те острова,
Где растет трын-трава,
Братцы.

...Сии стихи мы, затвердив, пели»¹⁷.

Огромным успехом в кружке пользовались также стихи Пушкина и Полежаева. В бумагах Критских и Лушников обнаружено несколько списков оды «Вольность» и стихотворения «Деревня»¹⁸.

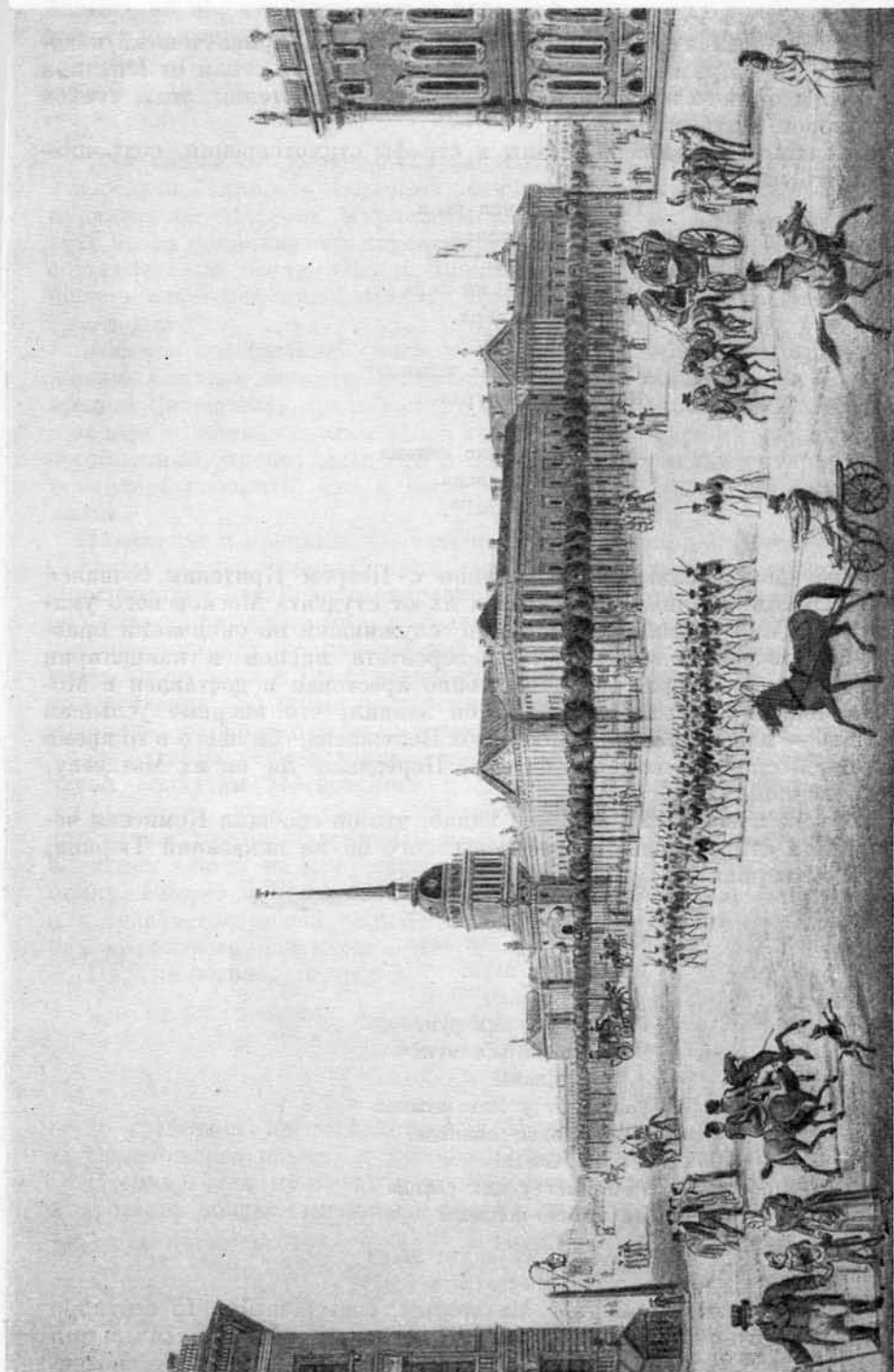
В школе армейских подпрапорщиков и в кружке Критских многие знали наизусть куплеты Полежаева:

Когда б вместо фояря,
Который гаснет от погоды,
Повесить нового царя,
То просиял бы луч свободы¹⁹.

III Отделение и Николай I превосходно понимали агитационную роль потаенной литературы. Борьба с распространением произведений декабристской поэзии была одной из задач правительства²⁰.

Не случайно поэтому, что названное на допросе Критскими стихотворение «Близ Фонтанки реки», отличавшееся «весьма предезким содержанием», сильно заинтересовало Следственную комиссию.

О стихотворении «Близ Фонтанки реки» Комиссии стало известно 27 августа 1827 г. из показаний Василия и Петра Критских, заявивших, что подьячий Алексей Матвеев читал у них на квартире в Москве, кроме стихов Пушкина, стихи неизвестного автора «Близ Фонтанки реки».

ВИД АДМИРАЛТЕЙСТВА
Раскрашенная гравюра Р. Курятникова, 1820-е гг.
Музей истории Ленинграда

Василий автора не назвал. Петр добавил, что они принадлежат Рылеву и сочинены им на 14 декабря ²¹.

6 сентября 1827 г. канцелярист Данила Тюрин, привлеченный к дознанию по делу Критских, сознался, что слышал эти стихи от Михаила Критского и от него же знает о «первоначальном» чтении этих стихов регистратором Матвеевым.

В показаниях Тюриня записаны и строфы стихотворения, сохранившиеся в его памяти:

Близ Фонтанки реки
Собирались полки.

Слава!

Что ни свет, ни заря
Для потехи царя.

Слава!

Разве нет у вас штыков
На князьков-дураков.

Слава!

Разве нет у вас свинца
На тирана-подлеца.

Слава!²²

Матвеев, допрошенный одновременно с Петром Критским, сознался в чтении стихов и заявил, что слышал их от студента Московского университета П. М. Пальмина ²³. Пальмин, служивший по окончании нравственно-политического отделения университета писцом в канцелярии тамбовского губернатора, был немедленно арестован и доставлен в Москву. На допросе 13 сентября 1827 г. он заявил, что впервые услышал стихи в мае — июне 1826 г. в Москве от Полежаева, бывшего в то время студентом Московского университета. Передавал ли он их Матвееву, Пальмин не помнил.

Из того же показания Пальмина видно, что он сообщил Комиссии четыре куплета стихотворения, уже известного ей из показаний Тюриня, но в другом варианте:

Там их учат и мучат,
Что ни свет, ни заря,
Для потехи царя.

Слава!

Разве нет у них рук,
Чтоб избавиться мук?

Слава!

Разве нет у них штыков
На князьков-сопляков?

Слава!

Разве нет у них свинца
На тирана-подлеца?

Слава!

На очной ставке Пальмина с Матвеевым, состоявшейся 15 сентября 1827 г., Пальмин принужден был сознаться, что он, действительно, читал стихи Матвееву ²⁴. На допросе 4 октября Пальмин добавил: «Вышеозначенные стихи услышал я от студента Полежаева прошлого года в мае или июне месяце, во время прогулки на Тверском бульваре, где он, Полежаев, встретившись со мною, не доходя немного примыкающего к Никитским воротам конца, начал после обыкновенных приветствий сими сло-

вами: „Знаете ли вы новые стихи Рылеева?“ И когда отвечал отрицательно, то он, отведши меня к лавочке, проговорил наизусть ту самую песню, но притом не говорил, есть ли она у него на бумаге или нет» ²⁵.

IV

Как видно из приведенных записей, песня «Вдоль Фонтанки реки» в передаче Тюриня и Пальмина значительно отличается от текста песни, прочитанной Матвеем Муравьевым-Апостолом на следствии 26 апреля 1826 г.: та оканчивалась строками «Как шел кузнец». Возникает вопрос, составляет ли песня «Вдоль Фонтанки реки / Квартируют полки» одно целое с известной декабристской песней «о кузнеце, несущем из кузницы три ножа» ²⁶.

Анализ содержания списков песни противоречит этому предположению. Стихи в записях Пальмина и Тюриня, так же как и в списке из архива Вяземских, представляют собой законченное целое. Все строфы с начала до конца связаны одной темой. Сопоставление содержания песни с событиями, происходившими в Семеновском полку в октябре 1820 г., позволяет говорить, что в песне речь идет о восстании Семеновского полка.

Восстание и причины, вызвавшие его, были широко известны в армии. Солдаты горячо сочувствовали семеновцам, понесшим тяжелые кары. Впоследствии декабристы старались поддерживать связь с семеновскими солдатами, разосланными по разным полкам. Солдаты-семеновцы, служившие в полках, расположенных на юге, виделись с братьями Муравьевыми-Апостолами и Бестужевым-Рюминым и получали от них материалы для агитации. Во время подготовки восстания на юге декабристы-южане говорили, что надеются на Саратовский и Пензенский полки, где служило много старых семеновских солдат. Известно, что Михаил Бестужев читал солдатам Московского полка агитационную песню семеновцев «Ну, ребята, чур дружнее / За товарищей стоять» ²⁷. Естественно, что для песни, предназначенной к распространению главным образом среди воинских частей на юге, материалом послужили события в Семеновском полку. Рылеев и Бестужев понимали, что напоминание об этом событии и о судьбе товарищей должно было заставить солдат снова задуматься над средствами избавления «от мук».

Первый куплет песни:

Вдоль Фонтанки реки
Собирались полки.
Слава! —

точно указывает место действия ²⁸. Учения полка происходили тут же, на Семеновском плацу, к которому примыкали казармы.

В следующих куплетах в условно-вопросительной форме рассказано о протесте солдат-семеновцев против пачальства:

Разве нет у них рук,
Чтоб избавиться мук?
Слава!

Разве нет у них штыков
На князьков-сопляков?
Слава!

Разве нет у них свинца
На тирана-подлеца?
Слава! ²⁹

В то же время куплеты эти содержат и призыв декабристов, обращенный к армии. Не покоряться злой доле! Действовать с оружием в руках против царя и великих князей, погубивших семеновцев!

Последние строки напоминают, что семеновский полк, положивший начало открытой борьбе против «тирана-подлеца» и «князьков-сопляков», должен служить примером для солдат. Таково содержание песни «Вдоль Фонтанки реки»³⁰.

Содержание песни «Уж как шел кузнец» не связано ни с каким конкретным фактом. В ней отразились республиканские и демократические идеи левого крыла Северного общества — идеи свержения монархии и уничтожения правящих классов. Песня эта написана в более революционном духе, чем стихи «Вдоль Фонтанки реки». В песне «Вдоль Фонтанки реки» призыв к восстанию обращен лишь к армии. В образе кузнеца показан народ, призванный уничтожить своих угнетателей — дворян-помещиков и попов.

Очевидно, песня «Вдоль Фонтанки реки» была предназначена для солдат и распространялась главным образом в армии. «Кузнец» же был, повидимому, написан для более широкой аудитории. По свидетельству Е. И. Якушкина, эта песня в то время была распространена наиболее широко³¹.

Таким образом, соединение этих двух песен в передаче Матвея Муравьева-Апостола представляет собою случайную механическую контаминацию двух, не связанных друг с другом произведений. Первые четыре строчки — это начало совершенно законченной песни «Вдоль Фонтанки реки», а следующие — самостоятельная песня «Уж как шел кузнец»³².

То, что М. И. Муравьев-Апостол объединил две самостоятельные песни, можно объяснить их одинаковой политической направленностью, общностью поэтической формы и общим рефреном — «Слава». Нельзя забывать также, что условия, в которых Муравьев-Апостол вынужден был припомнить слова песни, мало способствовали восстановлению в памяти правильного текста, полученного им к тому же несколько лет назад. Однако та же общая направленность песен и особенно общий рефрен «Слава» могли помочь М. И. Муравьеву-Апостолу и преднамеренно умолчать о последующих строках. Из показаний Матвея Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина видно, как тщательно избегали они всякого упоминания о событиях в Семеновском полку. Известно также, какой интерес проявляла Комиссия к связям декабристов с бывшими семеновскими солдатами. Если бы М. И. Муравьев-Апостол на допросе прочитал до конца песню, в которой упоминается старый Семеновский полк, это могло бы повлечь за собой новые, нежелательные для декабристов вопросы.

Интересно отметить, что по своему содержанию песня «Вдоль Фонтанки реки» несколько перекликается с агитационной песней неизвестного автора, написанной во время Семеновского восстания 1820 г.:

Ну, ребята, чур дружнее
За товарищей стоять.

Возможно, что Рылеев и А. А. Бестужев, так же как и М. А. Бестужев, знали эту песню и она послужила им прототипом для песни «Вдоль Фонтанки реки». В обеих песнях есть некоторые сходные черты. Материалом для них послужило восстание семеновцев. И там, и здесь упоминается о страданиях солдат, об их угнетении. Основная идея песни «Ну, ребята, чур дружнее» — обращенный к солдатам призыв выступить на помощь товарищам, — как бы получает свое дальнейшее развитие в песне «Вдоль Фонтанки реки». Декабристы, подхватив призыв неизвест-

По всей вероятности, песня «Вдоль Фонтанки реки» была написана, как и многие другие «подблюдные» песни, Рылевым и Бестужевым. Политическая направленность и форма песни связывает ее с циклом агитационных песен: «Как идет мужик из Новгорода», «Уж вы вейте веревки на барские головки», «Как идет кузнец из кузницы». Политическая агитация выступает в них на первый план. Основное в этих песнях — призыв к расправе с властями.

Временем, когда была написана песня, судя по показаниям декабристов, можно считать конец 1823 — начало 1824 г. В июле 1823 г. М. И. Муравьев-Апостол, по поручению Южной директории, приехал в Петербург, чтобы установить связи с Северным обществом. В октябре того же года, на совещании у Пущина, он познакомился с Рылевым. Рылеев был увлечен идеей создания песен в народном духе для воздействия на народ. Семеновская история, свидетелем которой был Рылеев, и то впечатление, какое произвела она на солдат Петербургского гарнизона, были памятны декабристам. Приезд в Петербург М. И. Муравьева-Апостола, его рассказы о положении в армейских частях на юге, где служили многие из семеновских солдат, могли еще раз напомнить о восстании и побудить поэтов-декабристов написать песню с упоминанием старого Семеновского полка, имея в виду, что М. И. Муравьев-Апостол увезет ее с собою на юг.

Как видно из показаний М. И. Муравьева-Апостола, песня эта была получена им от Рылеева в Петербурге в 1824 г. и по приезде на юг передана брату, Сергею Муравьеву-Апостолу.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что песня «Вдоль Фонтанки реки» принадлежит перу Рылеева или Бестужева.

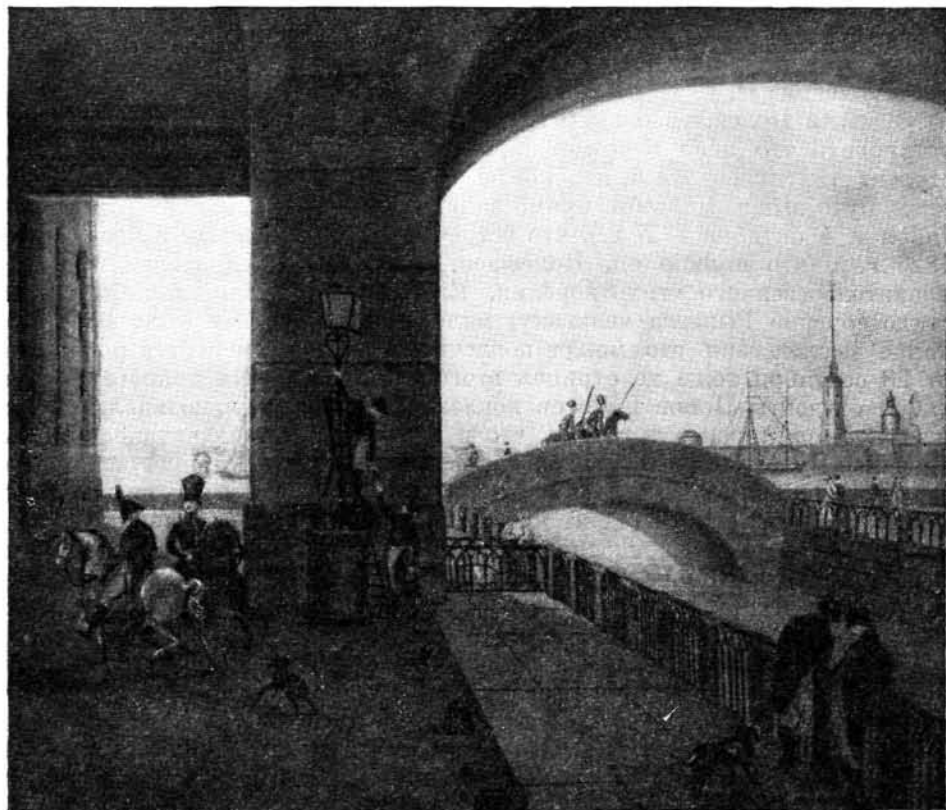
V

Осенью 1827 г., когда началось следствие по делу Критских, Полежаев, арестованный за побег из полка, отбывал наказание на гауптвахте в деревне Низовке Тверской губ., где стоял его полк³⁵.

К делу братьев Критских Полежаева привлекли далеко не случайно. Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет утверждать, что эпизод с распространением агитационной песни — только одно звено в цепи пока еще немногочисленных фактов, свидетельствующих о связи Полежаева с вольнолюбивыми кружками конца двадцатых годов. Документальные свидетельства о времени пребывания Полежаева в университете и окружавшей его товарищеской среде незначительны. Но все же известно, что студенты нравственно-политического отделения — А. Г. Ротчев, П. М. Пальмин, Пузин, Жданов, Кушенский, Сомов, Пель, Коврайский, Калайдович — дети небогатых дворян, вольноотпущенных, мещан, мелких чиновников и офицеров, были в университете его друзьями и товарищами. С гимназических лет был знаком Полежаев с П. И. Критским; находился в дружественных отношениях с художником А. В. Уткиным, близко стоявшим к студенческим кружкам; посещал купеческого сына, студента словесного отделения П. Севастьянова и вольнослушателя Медико-хирургической академии, курского мещанина Ф. А. Кони³⁶.

Идеи декабристов играли огромную роль в развитии передовой университетской молодежи. Как продолжение дела декабристов в конце двадцатых — начале тридцатых годов возникали революционные студенческие кружки (Критских, Сунгурова). Знакомые Полежаева, студенты Попов и Рогов, были членами кружка, во главе которого стоял П. И. Критский. Пальмин, знавший Полежаева, тоже был знаком с Критским. В архиве III Отделения хранится анонимный донос (1826) «О совместном

написании студентами Полежаевым и Ротчевым вольных стихов», ходивших в рукописях среди студентов Московского университета³⁷. О поэте Ротчеве Критские говорили как о своем единомышленнике. Как видно из дела, Попов, Рогов и Критские в 1826 г., приходя в университет, вели между собой разговоры о декабристах и читали «Думы» Рыльева. Нет ничего невероятного в том, что об этом были осведомлены и другие студенты.

ВИД НА ПЕТРОПАВЛОВСКУЮ КРЕПОСТЬ С ЗИМНЕЙ КАНАВКИ

Рисунок неизвестного художника, около 1800 г.

Эрмитаж, Ленинград

Такова была университетская среда, оказавшая несомненное воздействие на формирование политического мировоззрения Полежаева.

С самого начала своего творческого пути Полежаев был продолжателем традиций вольнолюбивой лирики Радищева, Пушкина, Рыльева. Как известно, он был отдан в солдаты по личному приказу Николая I, усмотревшего в поэме «Сашка» отзвуки ненавистного ему декабризма. В Бутырском полку поэт находился под строжайшим негласным надзором, опять-таки по личному приказу царя. Позднейшие стихи Полежаева — «Вечерняя заря», «Рок», «Арестант» — были своеобразными политическими декларациями и выражали ненависть к самодержавию передовой молодежи конца двадцатых — тридцатых годов. Стихотворения «Ай, ахти! Ох, ура!», «Когда б вместо фонаря» и «Четыре нации» написаны под явным влиянием агитационных песен Рыльева. Эти произведения Полежаева ходили по рукам в многочисленных списках.

III Отделение боролось с их распространением так же яростно, как и с распространением декабристской поэзии. Не удивительно, что фамилия Полежаева, названная на следствии по делу Критских, вызвала интерес членов Комиссии, хорошо осведомленных о настроениях поэта.

15 сентября 1827 г. командующий Сводным пехотным корпусом, генерал-адъютант Храповицкий, получил уведомление Комиссии о том, что «дерзкие стихи насчет правительства вышли начально от бывшего студента Полежаева»³⁸. Разжалованный поэт был уже назначен к отправке в один из полков Оренбургского гарнизона, когда последовал приказ дежурного генерал-майора 1-й армии: «Оставить Полежаева под арестом впредь до разрешения об открытом в Москве преступлении»³⁹.

Знал ли Полежаев о замыслах Критских? С совершенной точностью установить это пока невозможно, но из допросов видно, что бывший студент Полежаев «был далеко не безизвестен» членам кружка. Как упомянуто выше, Пальмин прямо заявил в своих показаниях (от 15 сентября и 4 октября 1827 г.), что встречался с Полежаевым в мае — июне 1826 г. и что именно он, Полежаев, был распространителем противоправительственного стихотворения. Едва ли Полежаев стал бы читать стихотворение Рылеева человеку, мало знакомому; ему было известно, какие последствия это может повлечь за собой. Сам поэт в показаниях от 28 сентября тоже не отрицал этого знакомства. На допросе 20 сентября студенты Попов и Рогов показали, что «несколько знали» Полежаева. Характерен и тот факт, что в кружке Критских читалось стихотворение Полежаева «Когда б вместо фонаря, / Который гаснет от погоды». В кружке Критских хорошо знали и автора, хотя и не называли имени его на допросе. Критские и большинство их сообщников были осторожны в своих показаниях относительно Полежаева. Среди революционно настроенного студенчества Полежаев был весьма популярен. Не многие решались увеличить тяжесть и без того трагической судьбы поэта.

3 сентября Комиссия постановила отобрать «вопросные пункты от рядового Бутырского полка Полежаева». Дело было поручено генерал-адъютанту Храповицкому, и 3 октября он доставил в Комиссию письменные ответы Полежаева. Поэт, признавая свое знакомство с Пальминым, показывал, что стихи были ему «известны прежде по слуху, но не все сполна и без имени сочинителя». Передачу же стихотворения Пальмину Полежаев отрицал⁴⁰. Более подробные показания Пальмина от 4 октября 1827 г. заставили Комиссию поставить перед Полежаевым новые вопросы. Комиссия рассчитывала, что, предъявив Полежаеву эти показания, она заставит его сознаться в чтении и распространении «возмутительных стихов».

В то же время главнокомандующий 1-й армией запрашивал Следственную комиссию о том, когда именно Полежаев передал стихи Пальмину — до поступления на военную службу или после? Вопрос этот возник в связи с «высочайшим повелением», последовавшим по новому делу Полежаева: «Узнать, когда стихи сочинены и читаны, если до определения его на военную службу, то не подвергать его дальнейшей ответственности, буде уже после, то предать суду»⁴¹.

В начале октября (точной даты нет) Полежаев был допрошен вторично. 13 октября 1827 г. письменные ответы его были снова препровождены в Следственную комиссию⁴². В них Полежаев опять-таки утверждал, что стихи эти были ему некогда известны, но передавал ли он их кому-нибудь — он не помнит, так же как не знает имени их автора⁴³. Убедившись, что стихи были переданы Пальмину Полежаевым до поступления на военную службу, Комиссия почти не обратила внимания на его новые ответы.

Дело о привлечении поэта к процессу Критских было прекращено. 19 октября командующий 1-й армией, получив известие Следственной комиссии о том, что «дерзкие стихи дошли до студента Петра Пальмина от рядового Бутырского полка Полежаева еще до определения его в военную службу», — приказал, «не подвергая ответственности <...> освободить его из-под ареста и употребить на службу»⁴⁴. 20 октября 1827 г. Полежаев был освобожден из-под ареста.

Однако, прекратив по приказу Николая I следствие по делу Полежаева, Комиссия все же продолжала считать поэта последователем декабристов.

21 октября 1827 г. Бенкендорф доложил царю, что, по мнению Комиссии, Полежаев принадлежит к тем «единомышленникам с преступниками 14-го декабря, самое свободное существование которых угрожает безопасности государства». Николай I приказал Бенкендорфу усилить надзор за Полежаевым и немедленно сообщать ему о малейшем нарушении поэтом воинской дисциплины. Так закончилась попытка властей привлечь к делу «тайного общества» Полежаева, поэта нарождающегося разночинства, стихами которого говорила «Русь мучеников, Русь рудников, Сибири и казематов»⁴⁵.

* * *

Мы предлагаем следующий сводный текст агитационной песни «Вдоль Фонтанки реки»⁴⁶:

Вдоль Фонтанки реки
Квартируют полки.
Слава!⁴⁷

Квартируют полки
Всё гвардейские.
Слава!⁴⁸

Их и учат, <их> и мучат,
Ни свет, ни заря.
Слава!⁴⁹

Что ни свет, ни заря,
Для потехи царя.
Слава!

Разве нет у них рук,
Чтоб избавиться мук?
Слава!⁵⁰

Разве нет у них штыков
На князьков-сопляков?
Слава!⁵¹

Разве нет у них свинца
На тирана-подлеца?
Слава!⁵²

Да Семеновский полк
Покажет им толк!
Слава!⁵³

Кому вынется, тому сбудется,
А кому сбудется, не минуется.
Слава!⁵⁴

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВОПРОСНЫЕ ПУНКТЫ, НА КОТОРЫЕ ИМЕЕТ ОТВЕТАТЬ
БУТЫРСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА РЯДОВОЙ ПОЛЕЖАЕВ,
СЕНТЯБРЯ 27-го ДНЯ 1827 ГОДА

1

Как тебя зовут, чей ты сын, сколько имеешь от роду лет, обучался ли где и каким наукам, холост или женат и имеешь ли детей?

2

Какого вероисповедания, бываешь ли на исповеди и у святого причастия?

3

В службу его императорского величества ты которого года, месяца и числа поступил; из какого звания и откуда уроженец?

4

Не был ли ты за что под судом и по оному, равно и без суда, в каких штрафах и наказаниях?

5

Знаком ли ты с бывшим, императорского Московского университета студентом, а ныне 12 класса, Петром Михайловым сыном Пальминым, и не передавал ли ему стихов, начинающих так: «Близ Фонтанки реки собирались полки» и проч.? Ежели передавал, то когда, где, с каким намерением и объявлял ли имя сочинителя оных?

6

В ответе на сей вопрос напиши те стихи, вполне, от начала до конца, и объясни, от кого получил ты их сам и не передавал ли еще кому-либо, когда и с каким намерением?

7

В сих ответах всю ли истинную правду показал и не утаил ли чего?

1

Зовут меня Александр сын Иванов. От роду имею 22 года. Обучался в императорском Московском университете; холост, детей не имею.

2

Вероисповедания греко-российского, на исповеди и у святого причастия бывал ежегодно.

3

В службу его императорского величества поступил 1826 года августа 7-го дня с чином 12-го класса, из университета; родом из мещан, уроженец Пензенской губернии.

4

Под судом находился за самовольную отлучку из Бутырского пехотного полка; прежде ж сего в штрафах и наказаниях никогда не бывал.

5

Находясь в университете, я знал студента Петра Михайлова Пальмина, но стихов, начинающих словами: «Близ Фонтанки реки» и пр., не помню, чтобы ему передавал или имел их когда-либо при себе — они были мне известны прежде по слуху, но не все сполна и без имени сочинителя, которого я не знаю.

6

Помню, что знал куплета три сих стихов, но теперь, кроме начальных двух, не упомяну, равно как, где и от кого получал их или сам передавал их Пальмину или кому-нибудь другому.

7

В сих ответах всю истинную правду показал и не утаил ничего.

Бутырского пехотного полка рядовой
Александр Полежаев

Командующий дивизиями 3-го гренадерского
и сводного 5-го пехотного корпуса Храповицкий 1-й
Московский комендант генерал-лейтенант Веревкин
Корпуса жандармов генерал-майор Волков
Московский обер-полицмейстер генерал-майор Шульгин
Статский советник и кавалер Тургенев
Обер-аудитор Оранский

ВОПРОСНЫЙ ПУНКТ, НА КОТОРЫЙ ИМЕЕТ ДАТЬ ОТВЕТ БУТЫРСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА РЯДОВОЙ АЛЕКСАНДР ИВАНОВ СЫН ПОЛЕЖАЕВА, ОКТЯБРЯ ДНЯ 1827 ГОДА

Из ответов твоих на вопросные пункты 27 числа прошедшего сентября видно, что тебе известны стихи «Близ Фонтанки реки собирались полки» и проч.

Но не помнишь, передавал ли ты их бывшему студенту императорского Московского университета, а ныне 12-го класса, Петру Михайлову сыну Пальмину. А сей последний и во вновь отобранном, при священническом увещании, ответе, подтверждая, что те стихи переданы ему тобою, присовокупляет, что слышал оные от тебя прошедшего года, в мае или июне месяцах, во время прогулки на Тверском бульваре, где ты, Полежаев, встретившись с ним, не доходя немного примыкающего к Никитским воротам конца, начал после обыкновенных приветствий сими словами: «Знаете ли вы новые стихи Рыльева?». И когда он отвечал отрицательно, то ты, отведши его к лавочке, проговорил наизусть означенную песню. Почему припамятываются тебе все сии подробности, на тот конец, дабы ты, согласно прежним вопросам, показал сущую правду, объясняя и то, от кого дошли тебе стихи сии, не передавал ли ты их еще кому письменно или словесно и с каким намерением?

Соображаясь с правдой, которую показал я в ответных пунктах моих 27-го числа прошедшего сентября, сознаюсь, что некогда известны мне были стихи «Близ Фонтанки реки» и проч.... Но в целости ли или не все, от кого я слышал или их получил и передавал ли их письменно или словесно бывшему студенту Московского университета, а ныне 12-го класса, Петру Михайлову Пальмину, за давностью времени совершенно не упомяну и готов объявить сие под присягою. Что же касается до показания Пальмина, будто бы читал ему сии стихи и сообщил во время прогулки на Тверском бульваре с показанием имени сочинителя, по словам его, Рыльева, — то вторично готов клятвенно, под присягою, показать, что происшествия сего нисколько не помню и никогда не знал имени сочинителя стихов, которых при всем моем соображении помню теперь чуть только начало. И потому, согласуя с истинною правдою, которую показал я в прежних ответных моих пунктах касательно сего предмета, утверждаю, что мне были некогда известны сии стихи, но от кого слышал я их или получил списанные и передавал ли письменно или словесно бывшему студенту Пальмину, за давностью времени и с течением разных обстоятельств, заставивших меня навсегда отказаться от прежней страсти к стихотворениям, — нисколько не помню.

В чем и подписуюсь
Бутырского пехотного полка рядовой

А л е к с а н д р П о л е ж а е в

Командующий дивизиями 3-го гренадерского и сводного
5-го пехотного корпуса Храповицкий 1-й
Московский комендант генерал-лейтенант В е р е в к и н
Корпуса жандармов генерал-майор В о л к о в
Московский обер-полицмейстер генерал-майор Ш у л ь г и н
Статский советник и кавалер Т у р г е н е в
Обер-аудитор О р а н с к и й

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Записи эти, приведенные на стр. 108 настоящей статьи, обнаружены нами в 1945 г. в следственном деле братьев Критских в ЦГВИАЛ (фонд Аудиториатского департамента, № 9, д. 4, ч. I—IV). До тех пор никакие другие списки этой песни известны не были. О нескольких стихах, известных в печати в измененном виде, — см. выше в статье Ю. Г. Оксмана (стр. 81).

² Список песни «Вдоль Фонтанки реки», сохранившийся в Остафьевском архиве Вяземских, опубликован в 1951 г. М. А. Брисманом в сб. «Декабристы и их время», 1951 (стр. 13):

Вдоль Фонтанки реки квартируют полки,
Их и учат, их и мучат, ни свет, ни заря!
Что ни свет, ни заря, для потехи царя!
Разве нет у них рук, чтоб избавиться мук?
Разве нет штыков на князьков голяков?
Да Семеновский полк покажет им толк.
А кому сбудется, не минуется. Слава!

³ ВД, т. IX, стр. 262.

⁴ О восстании Семеновского полка см.: В. И. Се м е в с к и й. Волнение в Семеновском полку в 1820 году. — «Былое», 1907, № 1, стр. 1—35; № 2, стр. 82—118; № 3, стр. 96—121, а также: «Лит. наследство», т. 60, публикацию «Нечто о возмущении Семеновского полка» (печатается).

⁵ ЦГВИАЛ, ф. № 9, д. 4, ч. I—IV.

⁶ А. И. П о л с ж а е в. Стихотворения. М.—Л., 1933, стр. 64, 86, 87; е г о ж е. Полн. собр. соч. Л., 1939, стр. IX; ср. «Былое», 1906, № 6, стр. 44 и 52.

⁷ ВД, т. IV, стр. 272, 289.

⁸ ВД, т. IX, стр. 249—250, 261—262.

⁹ ВД, т. I, стр. 169, 176.

¹⁰ ВД, т. II, стр. 222, 226.

¹¹ ВД, т. I, стр. 262, 267.

¹² Там же, стр. 456—458.

¹³ ЦГВИАЛ, ф. № 9, д. 4, ч. I—IV; ЦГВИА, ф. № 36, оп. 5/848, д. 188; ЦГИА, ф. № 109, 1 экзп., 1827, д. 269; 1828, д. 203; М. К. Л е м к е. Тайное общество братьев Критских. — Сб. «Декабристы», 1907, стр. 251—257, 260—276; К о л ч и н. Ссылные и заточенные в Соловецком монастыре. М., 1908; «Братья Критские и их товарищи в Москве». — «Полярная звезда», 1862, Лондон, вып. 7, стр. 98—106; Международная библиотека, т. XXII, Лейпциг, 1880, стр. 106—125; М. Н. Г е р н е т. История царской тюрьмы, т. II. М., 1946, стр. 367—368.

¹⁴ ЦГВИАЛ, ф. № 9, д. 4, ч. III, л. 7.

¹⁵ Подробно об этих агитационных произведениях см. в нашей статье «После 14-го декабря 1825 г. (Агитаторы конца 20-х—начала 30-х годов)». — «Декабристы и их время», 1951, стр. 233—245.

¹⁶ ЦГВИАЛ, ф. № 9, д. 4, ч. I, лл. 214—215.

¹⁷ Там же, лл. 369—370. — Интересно отметить, что известный куплет этого стихотворения:

Где Сперанский попов
Обдаёт, как клопов,
варом

В. Критский читал иначе:

Где свобода попов
Обдаёт, как клопов,
варом.

¹⁸ В показаниях А. М. Матвеева говорится: «Из стихов Пушкина читал я в доме Критских „Кавказского пленника“ и „Бахчисарайский фонтан“, из всех стихов Рыльева известны только думы» (ЦГВИАЛ, ф. № 9, д. 4, ч. II, лл. 6—13). Это показание ставило своей целью скрыть интерес к революционным произведениям Пушкина и Рыльева.

¹⁹ ЦГВИА, ф. № 36, оп. 5/848, д. 188, лл. 107—109.

²⁰ В августе 1827 г. Бенкендорф докладывал Николаю I, как «особо важное», донесение московского жандармского генерал-майора Волкова о том, что у каждого третьего студента Московского университета хранятся песни Рыльева и стихи Пушкина. 2 сентября Волков получал приказание Николая: «Очистить Москву от источника заразы», то есть от поэзии декабристов (ЦГВИА, ф. № 343, д. 233, л. 55).

²¹ ЦГВИАЛ, ф. № 9, д. 4, ч. I, л. 240; ч. II, лл. 30—32.

²² Там же, ч. I, л. 361.

²³ Там же, ч. I, л. 240; ч. II, лл. 30—31.

²⁴ Там же, ч. II, лл. 81—83, 135—136.

²⁵ Ср. стр. 118 настоящей статьи.

²⁶ Такое предположение высказала М. В. Нечкина. — Предисловие к ВД, т. IX, стр. 19.

²⁷ В конце октября 1820 г. во двор Преображенских казарм была подброшена прокламация, призывающая помочь погибающим семеновцам. Прокламация призвала преображенцев восстать против царя и дворян, которые «давно уже изнуряют Россию, чрез общее наше сейчас к ним слепое повиновение» (В. И. Семевский. Волнения в Семеновском полку в 1820 году. — «Былое», 1907, № 2, стр. 83). В ноябре—декабре была снова найдена прокламация, обращенная к преображенцам. В ней говорилось о необходимости заменить начальников в армии выборными от солдат. Автор прокламации требовал возвращения в Петербург гвардии, выведенной после «семеновских» событий в Виленский военный округ, и призывал солдат стойко держаться и не выдавать друг друга (там же, стр. 92—93). 2 ноября 1820 г. министр внутренних дел граф Кочубей направил Александру I песню «Ну, ребята, чур дружнее! За товарищей стоять».

По своему содержанию песня, написанная по образцу солдатского фольклора, перекликалась с прокламацией, обнаруженной в ноябре. Она призывала солдат помочь семеновцам (хотя и не называла их), призывала освободиться от злых начальников и не бояться наказаний, которые могут постигнуть восставших в случае неудачи. 28 октября 1820 г. Кочубей получил от В. Н. Каразина стихи безыменного автора «Гений отечества», где тоже говорилось о семеновском восстании. Такое обилие прокламаций, посвященных семеновским событиям, чрезвычайно взволновало военные и гражданские власти и самого Александра I. Начались усиленные поиски авторов прокламаций. Начальник штаба гвардейского корпуса Васильчиков и генерал-губернатор Петербурга Милорадович полагали, что авторами их являются члены тайных обществ и усилили наблюдение за людьми «вольного образа мыслей». По предположению Кочубей, авторами песни «Ну, ребята, чур дружнее» могли быть ученики Академии художеств (ГПБ. Отдел рукописей, ф. Н. Р. Шильдера, карт. 20, д. 2, л. 163). Однако, несмотря на строжайшие приказы Александра I и принятые полицией меры, обнаружить авторов не удалось. Неизвестны нам они и до сих пор.

Шильдер считал, что вторая прокламация написана будущими декабристами, которые хотели воспользоваться восстанием в армии (Ш и л ь д е р. Император Александр I, т. IV, стр. 186, 470). В. И. Семевский, впервые опубликовавший обе прокламации, сравнивает их с «Катехизисом» Муравьева-Апостола и делает предположение, что обе они вышли из кружка наиболее радикальных членов Союза Благоденствия и автором был С. И. Муравьев-Апостол (быть может совместно с М. П. Бестужевым-Рюминым). Но Семевский выдвигает и другое предположение: автором прокламации мог быть военный, «принадлежащий к простому классу и распропагандированный членами Тайного общества» (указ. соч., стр. 86—91).

Несомненно, что прокламации эти, несмотря на все усилия правительства их скрыть, были известны солдатам. 9 января 1821 г. писарь Измайловского полка Степанов показал, что солдаты того же полка Петров, Гаврилов и Буторин говорили о «бумаге», присланной преображенцам «от содержащихся в крепости семеновцев» и подброшенной в их полк. Сам Степанов бумаги не читал, где она сейчас, не знает, а о содержании слышал, будто семеновцы просят заступиться за них и выручить (В. И. Семевский. Указ. соч., стр. 94).

Нам удалось обнаружить документ, свидетельствующий о том, что прокламация 1820 г. была известна не только в Измайловском полку. В фонде Штаба отдельного гвардейского корпуса хранится донесение на имя начальника штаба, генерал-адъютанта А. И. Нейгарта, от 13 декабря 1825 г. (ЦГВИАЛ, ф. № 450, 1826, д. 27, л. 5). Донесение подписано сенатским регистратором Петром Власьевым. Власьев сообщал, что накануне (12 декабря) встретил он, Власьев, на Звенигородской улице знакомого своего, солдата 6-й фузелярной роты Московского полка Назарова, и с ним вместе — незнакомого ему, Власьеву, фейерверкера 1 батареи(ной) роты 8-й артиллерийской бригады Ефима Григорьева. Оба были «немного выпивши» и направлялись к Семеновским казармам, где была расквартирована часть Московского полка. Власьев пошел с ними. Не дойдя до казармы, Григорьев спросил Назарова, помнит ли он о безвинно пострадавших семеновцах. Назаров ответил утвердительно. Григорьев сказал, что в 1820 г. знакомый его, капитанармус Семеновского полка, говорил ему, Григорьеву, что если бы преображенцы поддержали семеновцев, последние не пропали бы. Фамилии капитанармуса Григорьев не назвал. По словам Григорьева, капитанармус говорил также, что он видел письма, которые писали семеновцы преображенцам, прося защитить их. Письма эти показывал ему полковник армейского Полтавского полка С. И. Муравьев «Апостол», служивший ранее в полку, но уволенный отсюда за любовь свою к солдатам. Назаров сказал, что о листах этих знает и он. Там «семеновцы просят солдат одной с ними первой гвардейской бригады стоять дружнее за товарищей». На вопрос Власьева, откуда он знает про эти листы, Назаров ответил: «Слышал о них от командира 3-й фузелярной роты Михаила Бестужева, он нам читал и песенку, написанную семеновцами». Назаров сказал начало ее: «Ребята, чур дружнее за семеновцев стоять». «На том разговор был закончен». На доне-

сении нет никаких помет. Возможно, что декабрьские события отвлекли начальника штаба гвардейского корпуса от этого дела и он даже не читал его. Повидимому, ход делу дан не был. Михаила Бестужева и других декабристов во время следствия об этой песне не спрашивали.

Как ни скудно донесение Власьева, оно все же дает новый ценный материал, позволяющий предполагать следующее:

1) После восстания Семеновского полка С. И. Муравьев-Апостол встречался с бывшими семеновцами и читал им прокламации. Возможно, что это и были две известные нам прокламации, С. И. Муравьев-Апостол знал их. Известно, что кантенармус Бобровский, по поручению С. И. Муравьева-Апостола, виделся в крепости с заключенными солдатами. По объяснению Муравьева, Бобровский был послан в крепость для экономических расчетов с семеновцами. Не является ли более вероятным предположение Семеновского, что С. И. Муравьеву-Апостолу нужно было условиться с солдатами об их поведении на суде? (В. И. Семеновский. Указ. соч., стр. 112—115).

2) Декабрист Михаил Бестужев знал агитационную песню 1820 г. «Ну, ребята, чур дружнее за семеновцев стоять» и пользовался ею в агитационных целях. Известно, что декабристы — офицеры Московского полка (кн. Щепин-Ростовский и М. А. Бестужев) — в своих беседах с солдатами ставили им в пример Семеновский полк, а накануне восстания призывали их быть стойкими, как семеновцы. Не знал ли М. А. Бестужев и других прокламаций 1820 г.?

28 Лейб-гвардейский Семеновский полк был расквартирован в Семеновских казармах на Загородном проспекте, 46—50. Семеновский плац со стороны Загородного проспекта застроен казармами Семеновского полка, а с набережной Обводного канала — домами военного ведомства. Со стороны Звенигородской ул. плац также застроен казармами Семеновского и Егерского полков.

29 Цитируем по списку Пальмина.

30 Ритмическая и строфическая структура песни отличается строгой правильностью. Каждая строфа состоит из двух стихов и рефрена. Написана песня двухстопным анапестом, припев — одностопный хорей. Размер этот декабристы использовали для своих песен («Ах, где те острова» и др.). Двухстопный анапест выдержан не везде с полной точностью.

31 Сб. «Деятельный век», кн. I. М., 1872, стр. 354.

32 Песня «Вдоль Фонтанки реки» распространялась современниками декабристов — А. И. Полежаевым и Критскими в качестве самостоятельного произведения.

33 Ю. Г. Оксман высказал интересное предположение, что песня «Вдоль Фонтанки реки», как и «Ах, тошно мне», связана с солдатскими прокламациями 1820 г. Предположение это основано на некоторой общности их содержания и техники оформления.

34 ВД, т. IV, стр. 289.

35 ЦГВИА, ф. № 343, д. 233, л. 58.

36 В. В. Баранов. А. И. Полежаев. Биографический очерк. — В кн.: А. И. Полежаев. Стихотворения. М.—Л., 1933, стр. 60—63; И. А. Шляпки. Заметки об А. И. Полежаеве. — «Русский библиофил», 1913, № 3, стр. 96; И. Д. Воронин. А. И. Полежаев. Жизнь и творчество. Саранск, 1946.

37 ЦГИА, ф. № 109, секретный архив, д. 55.

38 ЦГВИА, ф. № 343, д. 233, л. 29. — Член комиссии генерал-майор Волков писал Бенкендорфу, что он давно подозревал Полежаева в распространении «преступных сочинений» и что тот, наконец, «заслуженно понесет соответствующую по закону преступлению кару» (там же, л. 58).

39 В Оренбургский гарнизон, вместо Кавказского корпуса, куда полагало отправить Полежаева полковое начальство, он был назначен по личному приказу Николая I. Задержка произошла из-за возникновения нового дела (ЦГВИА, ф. № 343, д. 233, л. 35).

40 ЦГВИАЛ, ф. № 9, д. 4, ч. II, лл. 133—136.

41 ЦГВИА, ф. № 343, д. 233, л. 54.

42 ЦГВИАЛ, ф. № 9, д. 4, ч. II, лл. 169—170.

43 Однако показания Пальмина от 15 сентября 1827 г. свидетельствуют, что, читая песню, Полежаев прежде всего обратил внимание слушателя на принадлежность ее Рылеву.

44 ЦГВИА, ф. № 343, д. 233, л. 78.

45 Герцен, т. VIII, стр. 69.

46 Наиболее полным и авторитетным текстом песни является самый ранний из известных нам списков — копия в бумагах П. А. Вяземского, положенная нами в основу сводного текста. Умышленно менее точна, хотя и восходит к подлиннику, сокращенная запись М. И. Муравьева-Апостола, сделанная им в Петропавловской крепости в 1826 г. (естественно, что Муравьев в условиях следствия сознательно не хотел приводить полного текста песни). Из разночтений позднейших списков наиболее интересны варианты П. М. Пальмина.

47 В записи Пальмина первые две строки и рефрен отсутствуют. Известно, что Пальмин читал Матвееву стихи, начинающиеся этими словами. На следствии Пальмин продолжил стихотворение после строк, процитированных Следственной комиссией:

Близ Фонтанки реки
Собирались полки.
Слава!

В списках имеются следующие разночтения в этих строках: у Тюриня: «Близ» (1-я строка) и «Собирались» (2-я строка); у Вяземского и Муравьева-Апостола: «Вдоль» и «Квартируют».

⁴⁸ Строки 4—6 имеются только в записи Муравьева-Апостола.

⁴⁹ В списках Вяземского и Муравьева-Апостола в начале строфы отсутствует слово «там», имеющееся в записи Пальмина.

⁵⁰ В передаче Тюриня отсутствуют строки 13—15. В записи Муравьева-Апостола, начиная с 13-й строки, текст заменен словами песни «Идет кузнец из кузницы» (об этом см. стр. 102 настоящей статьи).

⁵¹ Мы считаем, что разночтения: а) «у них» и «сопляков» (список Пальмина); б) «у вас» и «дураков» (список Тюриня); в) «у них» и «голяков» (список Вяземского) — свидетельствуют об устной передаче песни. Повидимому, в 1825—1827 гг. песня уже была известна в солдатской массе за пределами Петербурга. Выражение «у них» было напоминанием о прошлом: «у вас» имело более активный характер и звучало как призыв к борьбе. С течением времени, в устной передаче, эти слова заменили менее активное и неопределенное «у них», лишь напоминающее о возмущении. Полежаев воспринимал эту песню как написанную на 14 декабря. Возможно, что при устной передаче исчезло и относящееся к полкам определение «гвардейские» (список Муравьева). Солдаты, среди которых бытовала песня, смотрели на нее, как на призыв к восстанию не только гвардии, но и всей армии. Эпитеты «сопляки», «дураки», «голяки», относившиеся к «князькам» (великим князьям, шефствующим над гвардией), варьировались в зависимости от личных свойств командиров той или иной воинской части и уже не относились к великим князьям.

⁵² Строк 19—21 в списке Вяземского нет. Вероятно, они пропущены переписчиком.

⁵³ Строки 22—23 имеются лишь в списке Вяземского.

⁵⁴ В списке Вяземского имеется только вторая строка припева — явно условное сокращение.